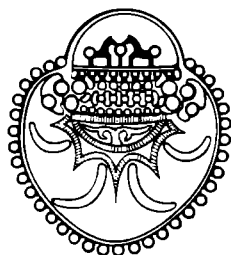

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

Н. Г. ГОРБУНОВА

К ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

(По материалам Ак-Тамского и других могильников)

За последние годы в Ферганской долине исследован ряд памятников, которые дали новый материал для изучения истории древней Ферганы. К ним относятся могильники Ак-Тамский, Кунгайский, Суфанский, Валикский и Нияз-Батырский, изучавшиеся экспедициями Ферганского и Андижанского музеев¹, городище Эйлатан, исследование которого было начато в 1933 г. Б. А. Латыниным и продолжено Ю. А. Заднепровским² и Т. Г. Оболдуевой, частично городище Шурабашат³, а также Сым-Тепе⁴ и Пиллоль-Тепе⁵. Изучение этих памятников дало возможность на новом материале решать вопросы происхождения и характера культуры Ферганы середины I тысячелетия до н. э. В связи с тем, что ни одно городище этого времени еще не исследовано с достаточной полнотой, материалы раскопок Кунгайского, Ак-Тамского и других могильников Южной Ферганы приобретают особо важное значение.

Все могильники расположены в пределах Ферганской и Андижанской областей Узбекской ССР в одинаковых топографических условиях (около болотистых пойм рек, на адырах, в зоне культурных земель) и имеют ряд характерных черт. Во всех могильниках есть «длинные» (до 70 м) курганы, образовавшиеся в результате последовательных подсыпок одной насыпи к другой, и «малые» курганы с невысокими каменными насыпями, располагающиеся в цепочку, вытянутую с севера на юг. «Длинные» курганы являются наиболее характерной чертой могильников. Полного сходства в устройстве могил не наблюдается. Так, в Ак-Таме, Валике и Нияз-Батыре все погребенные находились в грунтовых могилах, в Суфане вокруг могил имелись каменные кольцевые выкладки. В Кунгае часть погребенных тоже находилась в грунтовых могилах, но в большинстве случаев скелеты найдены прямо на древней дневной поверхности в наземных каменных сооружениях. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад, иногда с каменными «подушками» под головой (Ак-Там, Валик, Суфан). Погребальный инвентарь во всех могильниках идентичен, что и позволило объединить их в одну группу памятников, несмотря на некоторые различия в погребальном обряде.

¹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археологический сборник. ГЭ, III, Л., 1961; В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959; материалы могильников Суфан и Валик (раскопки автора) не опубликованы.

² Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК. 110, 1935; Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. СА, 1960, 3.

³ Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, 71, 1958.

⁴ Раскопки Ферганского областного музея 1958 г. Материал не опубликован.

⁵ Раскопки Наманганского областного музея 1958 г. Материал не опубликован.

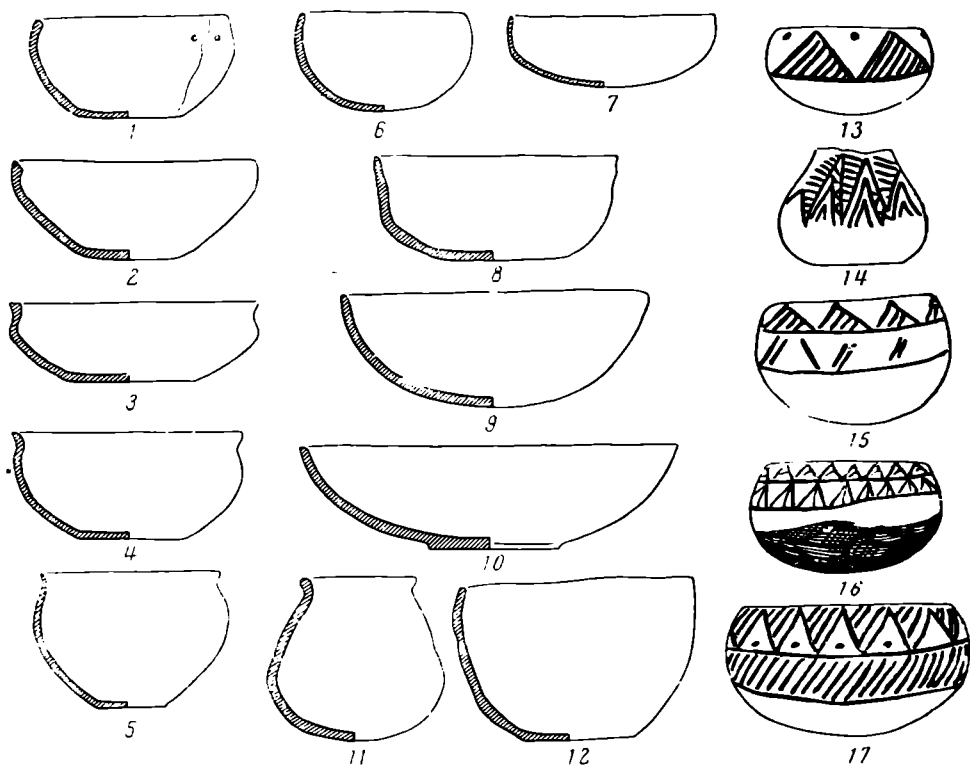

Рис. 1. Керамика Ак-Тамского и Кунгайского могильников.

1 — 5 — круговая, 6 — 17 — лепная

В состав погребального инвентаря входят посуда, украшения из бронзы, железа, кости, камня (булавки, браслеты, кольца, перстни, бусы, подвески), а также бытовые предметы: железные ножи, оселки, грузики для ткацкого станка и т. д. Оружие, как правило, встречается очень редко. В 195 могилах, исследованных в пяти могильниках, найдено всего пять трехперых бронзовых наконечников стрел — втульчатых и черешковых.

В каждой могиле находились один-два, иногда три сосуда. Как правило, их ставили справа от погребенного, около головы или плеча, и почти всегда на возвышении. Для Ак-Тамского могильника это небольшие «полочки»-уступы в южной стенке могилы, для Кунгайского — камни южной стенки сооружения. Иногда сосуды ставились просто на дно могилы или на ее край, тоже около головы или плеча, и очень редко в других местах (в ногах, у поясницы и пр.).

Датируются могильники V—IV вв. до н. э. на основании бронзовых наконечников стрел, большого количества железных украшений и частично керамики.

В данной статье подробно рассматривается глиняная посуда Ак-Тамского и Кунгайского могильников как наиболее исследованных. (Посуда трех других могильников аналогична, но в наши подсчеты не включена.) Всего в обоих могильниках обнаружено 285 целых сосудов из погребений и обломки примерно от 450 сосудов из заполнения могил и насыпи курганов (всего ориентировочно более 700 сосудов). Такое количество дает возможность оперировать статистическими данными при анализе различных групп керамики. Сосуды, обломки которых находились в заполнении могил и в насыпи курганов, совершенно идентичны сосудам из самих могил. Но так как их количество могло быть учтено только приблизительно, то в сводных таблицах общие данные о количестве сосудов и данные о сосудах, найденных только в погребениях, приводятся отдельно. При анализе форм учитываются только целые сосуды из погребений.

В обоих могильниках находилась посуда как вылепленная вручную, так и сделанная на гончарном круге. И та, и другая находились в могилах совместно. Лепная посуда, представленная 190 экз. целых сосудов и 240 в обломках, составила 60% найденной керамики, круговая (95 целых сосудов и 200 в обломках) — 40%. Часть лепной посуды была украшена росписью.

Формы лепной посуды довольно однообразны. Это в основном миски и чаши, которые составляют 88% всей лепной посуды (170 экз.), и горшки — 7% (15 экз.).

Чаши (89 экз.) — небольшие сосуды с полусферическим дном и загнутыми внутрь краями. Высота их обычно 7—8 см, диаметр — 11—12 см (рис. 1, 6, 13). Иногда бывают более глубокие чаши с более широким устьем, высотой до 10 см, диаметром до 14 см. Незначительно число чаш с небольшим плоским дном и тоже загнутыми внутрь краями (7 экз.). Эти чаши уже напоминают маленькие горшочки. Высота их 5—8 см, диаметр 10—14 см, диаметр дна 5—7 см (рис. 2, 2, 3).

Миски (81 экз.) сходны с чашами, но отличаются большими размерами и разнообразием форм. Ведущая форма характеризуется полусферическим дном и загнутыми внутрь краями (60 экз.) (рис. 1, 7, 9). Встречаются миски с уплощенным и плоским дном (10 экз.), края не всегда загнуты внутрь, а нередко развернуты (рис. 1, 8, 10). Размеры варьируют: высота 6—10 см, диаметр 15—26 см. В ряде случаев имеется уплощенный бортик шириной до 1 см, слегка скошенный внутрь. Три миски имеют поддон в виде невысокого кольца.

Горшки имеют различную форму. Некоторые из них напоминают глубокие плоскодонные чаши высотой 10—12 см при диаметре тулова 14—16 см и диаметре дна 5 см. Закраина у них почти прямая, середина тулова более выпуклая (рис. 1, 12). Другая разновидность — горшки со слегка сужающимся горлом, иногда отогнутым венчиком, полусферическим или уплощенным дном, высота их 7—8 см, диаметр 8—12 см (рис. 1, 11, 14). Третья разновидность — полушаровидные горшки с отогнутой закраиной, полусферическим или уплощенным дном и двумя маленькими петлевидными ручками под закраиной. Высота их 8—16 см, диаметр 5—12 см (рис. 2, 47).

Вся лепная посуда изготовлена из довольно плотной массы с незначительной примесью гипса (?), крупного песка, растений или очень редко шамота. Примеси большей частью заметны в неровном изломе черепка. В некоторых случаях на поверхности образовались пустоты от выгорания примесей органических веществ. На внутренней поверхности сосудов иногда видны отпечатки ткани. Техника лепки сосудов достаточно примитивна и известна по этнографическим параллелям⁶. Довольно подробно она описана также М. В. Воеводским⁷.

Формовка посуды производилась на твердой болванке, обтянутой материей, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на внутренней поверхности сосудов. На такой болванке изготавливались частично сосуды полусферических форм, особенно с развернутыми краями и плоскодонные. Возможно, что в качестве болванки служили старые сосуды различной формы. На таких болванках формовались миски и нижняя часть горшков. После снятия с болванки края мисок загибались внутрь пальцами, как это видно по вдавлениям под внутренними, слегка утолщенными краями мисок. Для горшков на болванке формовалось дно и нижняя часть, а верхняя часть наращивалась поясами. Следы соединения поясов отмечены на внутренних стенках горшков заметными утолщениями. Часть

⁶ Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ. Новая серия, XLII, М.—Л., 1959, стр. 28.

⁷ М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, 1930, № 4, стр. 67.

	Югозападный прикаспийский район									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Колетдагский район									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Среднеазиатское Меркучье									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Ташкентский оазис									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Фергана									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Алай									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Памир									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Семиречье									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Тянь-Шань									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	Югозападный прикаспийский район									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X

Рис. 2. Керамика Средней Азии в I тысячелетии до н. э.

1 — могильник Арпа; 2—3 — Кырчин; 4—6 — Джергетал; 7 — Аламышик; 8 — 12 — Соколовка — по А. Н. Бернштаму; 13, 14 и 18 — могильник 29 А; 15—17 — могильник 17; 19—22 — могильник 29 Б; Илийская долина — по К. А. Акишеву; 23—25 — Чуйская долина; 26 — стоянка Қайнды; 27 — 28 — могильник Харгуш; 29—32 — могильник Тамды; 33 — Дараут-Курган; 34—39 — могильник Шарт; 40 — случайная находка; 41 — городище Шурабашат; 42 — городище Касан; 43 — могильник Тулейкен — по А. Н. Бернштаму; 44—52 — Ак-Там и Кунгай; 53—59, 63 — Чуст — по В. И. Спришевскому; 60 — Вуадиль; 61 — Ашхал-Тепе — по Ю. А. Заднепровскому; 62 и 64 — Қайрак-Кумы — по Б. А. Литвинскому; 65—68 — Қауңчи-Тепе; 69—72 — Бургулюкское поселение; 73—74 — Ташкентский канал; 75—87 — Афрасиаб — по А. И. Тереножкину; 88—92 — Кобаднан — по М. М. Дьяконову; 93—96 — Мерв — по Л. М. Рутковской; 97—115 — Яз-Тепе — по В. М. Массону; 116—128 — керамика Хорезма — по М. Г. Воробьевой; 129 — 134 — керамика Хорезма — по М. А. Итиной; 135 — 139 — архаический Дахистан — по В. М. Массону

сосудов, особенно закрытых форм, могла изготавливаться при помощи мягкой формы — мешка с песком, который обмазывался глиной, после чего мешок вынимали. Стенки готового изделия заглаживали тряпкой, смоченной в жидком растворе той же глины, из которой формовался сосуд. Часть изделий после обмазки дополнительно покрывалась красной краской или расписывалась. Обжиг посуды производился, видимо, открытым способом, на костре, подобно тому, как это делают сейчас горные таджики⁸. В изломе черепок сосудов обычно двухцветный — красноватый к поверхности и черный внутри. Кроме того, на поверхности проступают красные и черные пятна. Видимо, все сосуды подвергались лощению, но лощение слабое и на большинстве сосудов сохранилось только местами.

Независимо от формы сосудов по характеру покрытия поверхности лепная посуда подразделяется на три подгруппы: 1) покрытая светлой жидкой облицовкой, растрескавшейся в ряде случаев мелкой сетью трещин; 2) окрашенная в темно-красный цвет; 3) расписная. Первая и вторая подгруппы составляют основную часть лепной посуды могильников и встречаются примерно в одинаковом количестве. Третья подгруппа составляет 8% всей посуды могильников, или 14% лепной, причем в Ак-Тамском могильнике расписано 11% лепной посуды, а в Кунгайском — 27%. Орнамент наносился темно-красной или коричневой краской по светлой облицовке (иногда без нее) на верхнюю часть сосуда. Нижняя часть либо оставалась в цвете облицовки, либо закрашивалась в красный цвет. Очень редко роспись покрывала весь сосуд. Основным мотив орнамента — треугольники, заштрихованные косой клеткой, косыми линиями, иногда закрашенные сплошь. Они расположены в один пояс либо в два, редко в три в шахматном порядке, обычно вершинами вверх, но иногда и вниз. В некоторых случаях треугольники сочетаются с поясом косых линий. В трех случаях орнамент несколько иной: вертикальные полосы с различным заполнением покрывают весь сосуд без зонального разграничения. Роспись во всех случаях нанесена небрежно и чаще всего встречается на чашах.

Круговая посуда по форме делится на три группы: горшки (64%), миски (33%) и кружки (3%).

Горшки (61 экз.) — плоскодонные, приземистые, со слегка округлым туловом и невысокой прямой шейкой, заканчивающейся отогнутым венчиком (рис. 1, 5; рис. 3, 8, 9, 13). Дно всегда плоское. Более крупные горшки (всего пять сосудов) имеют диаметр устья 15—18 см, дна 7—8 см и высоту 10—14 см. У большинства горшков диаметр устья не превышает 8—14 см, дна 4—8 см при высоте 6—12 см. 14 горшков имеют иную форму: они без шейки, с почти прямым краем (рис. 3, 6, 7). Меньшие из них напоминают плоскодонные лепные чаши. Диаметр устья этих горшков 10—16 см, дна 5—8 см, высота 6—16 см.

Миски (32 экз.) все, за исключением одной, плоскодонные, со скошенным внутрь краем, по которому иногда проведен желобок (рис. 1.

⁸ Е. М. Пещерова. Ук. соч., стр. 40, 41.

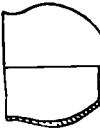
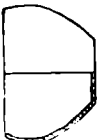
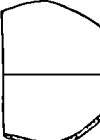
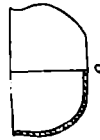
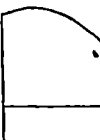
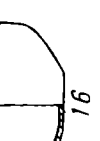
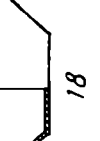
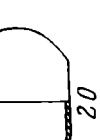
 14				 14			
Лепная	Круговая	Лепная	Круговая	Лепная	Круговая	Лепная	Круговая
 2	 3	 4	 5	 6	 7	 8	 9
 10	 11	 12	 13	 15	 16	 17	 18
 19	 20	 21	 22				

Рис. 3. Сравнительная таблица лепной и круговой керамики

1—4). Только одна миска оказалась полусферической, подобно лепным (рис. 3, 19). Размеры мисок также варьируют: большие — диаметром 17—23 см, с диаметром дна 7—10 см и высотой 7—10 см и малые — диаметром 14—17 см, с диаметром дна 5—8 см и высотой 5—8 см.

К р у ж к и (2 экз.) с прямыми стенками и вертикальной ручкой. Диаметр 10—11 см, диаметр дна 6—8 см, высота 10—11 см (рис. 2, 49).

Круговая посуда изготовлена, как правило, из хорошо промешанной глины с незначительной примесью мелкого серого песка. Цвет излома ровный, светло-кирпичный. Внутри и снаружи видны следы от вращения круга, причем внутри они идут спиралью от дна к устью. После снятия с круга сосуд, так же как и при ручной лепке, заглаживали тряпкой, смоченной в жидкой светлой глине. После просушки сосуд снова ставили на круг, но уже вверх дном, и подрезали нижнюю часть ножом, соскабливая лишнюю глину. Вместе с ней соскабливался и слой облицовки, и нижняя часть сосуда становилась гладкой и блестящей. Некоторые сосуды асимметричны, что свидетельствует о применении круга медленного вращения. Как производился обжиг этой посуды, сказать трудно, но по сравнению с лепной она настолько более высокого качества, что наводит на мысль о разных условиях обжига той и другой. В единичных случаях и станковая посуда покрывалась красной краской. Иногда сосуды подвергались сплошному лощению.

По посуде из могил трудно судить о хозяйственном назначении тех или иных сосудов. Естественно, что в могилу в первую очередь ставили посуду для еды и питья, а не для приготовления пищи, о чем свидетельствует и отсутствие нагара на сосудах. Чаще всего при погребениях находили вместе чашу и миску или маленький горшок и миску, одну или две чаши, две миски. Реже встречались миска и горшок, два маленьких горшка. Можно предположить, что маленькие сосуды типа чаш и небольших горшков предназначались для напитков, а миски или большие горшки — для пищи. Не случайно, что кости домашних животных были обнаружены почти всегда в мисках и только один раз в чаше. Возможно также, что в небольших сосудах находилась молочная пища, а в крупных — мясная или растительная. Из 22 сосудов, обнаруженных в индивидуальных детских погребениях Ак-Тамского могильника, 14 сосудов представляли собой чаши и маленькие горшки, два — лепные горшки и только четыре — миски (в трех погребениях из 12). Естественно, что детям в первую очередь ставили молочную пищу. Рассматривая хозяйственное назначение различных сосудов у горных таджиков, этнограф Е. М. Пещерова отмечает для таджиков Каратегина использование чашек подобной формы именно для питья или для кормления детей: «...в чашках обычно дают пищу детям, когда кормят их отдельно от взрослых в неурочное время»⁹. Чаши, составлявшие большую часть расписной посуды и в 18 случаях из 26 стоявшие в погребениях вместе с мисками, могли помещаться в могилу и пустыми, как сосуды, предназначенные для питья.

Возможно, что хозяйственное назначение лепной и круговой посуды было различным, но достоверных данных об этом пока нет.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с круговой посудой. Тщательный анализ погребений с круговой и лепной посудой позволил утверждать, что они одновременны. В одной могиле рядом, а иногда один в другом, стояли лепные и круговые сосуды. Могилы, в которых была лепная или круговая посуда, располагались рядом в «длинных» курганах. Однако по некоторым косвенным данным мы все же можем считать круговую посуду типологически (а может быть и хронологически) более поздней.

Несмотря на то что круговая посуда в целом отличается по формам от лепной, в ряде случаев можно видеть точное повторение форм лепной

⁹ Е. М. Пещерова. Ук. соч., стр. 59.

Таблица 1

Посуда	«Длинные» курганы				«Малые» курганы			
	лепная		круговая	всего	лепная		круговая	всего
	без росписи	с росписью			без росписи	с росписью		
Общее количество	276 (58%)	37 (8%)	167 (34%)	480	39 (42%)	5 (5%)	50 (53%)	94
В том числе в могилах	100 (54%)	28 (16%)	53 (30%)	181	13 (48%)	2 (8%)	12 (44%)	27

посуды в новой технике. Особенно хорошо это видно на примере плоскдонных чаш, полусферической миски, горшков с открытым устьем без отогнутого края. Можно также проследить постепенное видоизменение форм сосудов, связанное с переходом к работе на гончарном круге (рис. 3).

На некоторых круговых сосудах имеются следы починки — небольшие просверленные отверстия по обеим сторонам излома. В эти отверстия вставлялась «заклепка». (Так и в настоящее время чинят посуду в Средней Азии.) Следы починки носит только круговая посуда, представлявшая, очевидно, большую ценность, чем лепная.

Трудно сейчас еще говорить о том, откуда и как появилась в Фергане новая технология изготовления посуды. Весьма вероятно, что она была заимствована из более развитых юго-западных районов Средней Азии, где круг уже был известен. Но и освоив эту новую технологию, жители Ферганы в середине I тысячелетия до н. э. изготавливали на круге посуду такой же формы, как лепная. Это тоже свидетельство того, что круговая керамика, найденная в могильниках, была еще сравнительно ранней. При распределении групп керамики по длинным и малым курганам Ак-Тамского могильника мы получаем следующую картину (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, процент круговой посуды в «малых» курганах больше, чем в «длинных». Очевидно, «малые» курганы, или во всяком случае какая-то часть из них, сооружены позже «длинных». Вероятно, круговая керамика вошла в употребление к началу существования могильника (о чем можно судить по наличию ее почти во всех курганах) и постепенно получала все большее распространение в быту, чем и определялся больший ее процент в малых курганах.

Гончарное производство, видимо, еще не вышло за пределы домашнего промысла. Вероятно, круговая посуда производилась небольшим числом опытных мастеров (мастериц?), которые делали посуду не только для своей семьи, но также и для своих родственников или ближайших соседей. Подобный обычай существовал, например, у ягнобцев в начале XX в. «Эти мастерицы обучают своему искусству односельчанок, а ранее они производили некоторое количество посуды для соседей и родственников, получая в вознаграждение немного зерна, муки, молока и т. п.»¹⁰

В связи с этим обратимся вновь к некоторым статистическим данным по керамике наших могильников (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, в Кунгайском могильнике относительно больше расписной и круговой посуды. В этом могильнике имеется два типа погребений: на горизонте и в грунтовых могилах. Если посмотреть, как распределяется лепная и круговая посуда по этим двум типам погребений, то получим следующие соотношения (см. табл. 3).

¹⁰ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Тр. ИЭ, т. III, вып. 1, 1940, стр. 13.

Таблица 2

Могильник	Посуда	Лепная		Круговая	Всего
		без росписи	с росписью		
Ак-Там	Общее количество (из погребений и в засыпи могил)	315 (54%)	42 (7%)	217 (37%)	574
	В том числе в могилах	113 (54%)	30 (14%)	65 (31%)	209
Кунгай	Общее количество (из погребений и в засыпи могил)	50 (32%)	19 (12%)	85 (55%)	154
	В том числе в могилах	27 (36%)	19 (25%)	30 (39%)	76

Таблица 3

Посуда	Погребение на горизонте		Погребение в грунтовых могилах	
	общее количество (из погребений и засыпи могил)	в том числе в погребениях	общее количество (из погребений и засыпи могил)	в том числе в погребениях
Лепная без росписи	34 (34%)	21 (38%)	16 (31%)	6 (30%)
с росписью	17 (16%)	17 (30%)	2 (3%)	2 (10%)
Круговая	51 (50%)	18 (32%)	34 (66%)	12 (60%)
Всего	102	56	52	20

Из 37 погребений Кунгайского могильника 32 представляют собой погребения на горизонте и пять — в грунтовых могилах. В грунтовых погребениях Кунгайского могильника явно преобладает круговая посуда, тогда как для погребений на горизонте более характерна лепная посуда с росписью или без нее.

В Ак-Тамском могильнике погребения в грунтовых могилах — единственный способ захоронения умерших. По размерам Ак-Там — самый большой могильник из всех пяти известных. Невольно напрашивается вопрос: не являлось ли население, оставившее Ак-Тамский могильник, основным «поставщиком» круговой посуды для данного небольшого района?

Как уже указывалось, керамика, аналогичная керамике могильников, была обнаружена и на ряде поселений. Кроме того, она была обнаружена на трассах ферганских каналов¹¹. Все эти памятники располагаются в восточной половине Ферганы; за пределами Ферганской долины такая керамика встречена на Чандалашском тепе — на Чаткале¹² и в могильнике Шарт на Алае¹³. Можно считать, что подобная керамика характерна для восточной половины Ферганы середины I тысячелетия до н. э. В связи с этим, естественно, встает вопрос о ее происхождении. Анализ стиля орнаментации ферганской глиняной посуды начала и середины I тысячелетия до н. э. уже позволил отметить несомненную генетическую связь кера-

¹¹ Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 10, 1940, стр. 30; е е же. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН УзССР, IV, 1951, стр. 23, 25, табл. IX, 1, 3; стр. 33, табл. XII, 4; стр. 35; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, стр. 46.

¹² А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, II, 1959, стр. 9.

¹³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 186—190.

мики обоих периодов¹⁴. Но, кроме этого, на ферганских поселениях конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Чусте и Дальверзине среди разнообразных форм можно видеть и лепные полусферические миски, окрашенные в красный цвет, несколько лучшего качества, чем в могильниках¹⁵. Таким образом, эта форма посуды, ставшая в середине I тысячелетия до н. э. преобладающей в лепной столовой посуде Ферганы, появляется еще в эпоху бронзы, по-видимому, в конце ее, т. е. к VIII—VII вв. до н. э.

Так же как на лепной посуде могильников, на чустской и дальверзинской керамике обычно хорошо видны темные пятна — результат неравномерного обжига. Что касается круговой посуды, то, как уже отмечалось, формы ее вырастают из форм лепной. Следовательно, можно утверждать, что керамика Ферганы середины I тысячелетия до н. э. генетически связана с керамикой более раннего периода как в отношении формы, так и по технологическим признакам.

Не останавливаясь на других данных, можем только на основании анализа керамики говорить о том, что памятники Ферганы середины I тысячелетия до н. э. отражают следующий этап развития собственно ферганской культуры, первый этап которой представлен поселениями Чуст, Дальверзин и некоторыми другими памятниками. В археологической литературе уже существуют наименования этих двух этапов: чустский — конец II — начало I тысячелетия до н. э. и эйлатанский — VI—IV вв. до н. э.¹⁶ Название «эйлатанский» дано по городищу Эйлатан — первому памятнику этого времени, открытому в Фергане.

Возвращаясь к керамике, остановимся на тех широких аналогиях, которые имеет лепная посуда могильников. На огромной территории предгорных и степных районов Средней Азии, окружающих Фергану, в долинах Тянь-Шаня, в Семиречье и на Алае, в районе Ташкентского оазиса и на Памире примерно в VII—VI вв. до н. э. широкое распространение получают сосуды полусферической формы — миски, чашки, кувшины, изготовленные на матерчатом шаблоне. Формы эти продолжают существовать вплоть до III в. до н. э., а в районах Тянь-Шаня, Семиречья и Памира — и позднее. При этом каждый район имеет свои локальные особенности, выражающиеся в преобладании тех или иных форм посуды. Так, для Семиречья, видимо, наиболее характерными являются сосуды с носиками и кружки, для Тянь-Шаня — узкогорлые горшки, для Памира — низкие приземистые горшки и миски. Для наименее исследованного Ташкентского оазиса пока известны миски, чаши и горшки с петлевидными ручками. Все эти формы, за исключением сосудов со сливом, есть и в Фергане середины I тысячелетия до н. э. Так, основная форма лепной посуды Ферганы — полусферические миски и чаши — находит полную аналогию в керамике могильников Кырчин и Джиргетал на Тянь-Шане, датированных VI—IV вв. до н. э. (рис. 2, 3, 5, 6)¹⁷, в керамике этого же времени из Чуйской долины (рис. 2, 23, 25)¹⁸, в могильниках III—I вв. до н. э. в долине Или¹⁹ и др. Лепные горшки с невысокой шейкой, отогнутым венчиком и округлым дном известны также в могильниках Кырчин и Аламышик на Тянь-Шане (рис. 2, 9), в могильниках Илийской

¹⁴ Н. Г. Горбунова. К вопросу о расписной керамике Ферганской долины. СГЭ, 21, 1961.

¹⁵ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, 1958, стр. 89, рис. 25, 1; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, 69, 1957, стр. 50—57.

¹⁶ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дис., 1951; его же. Городище Эйлатан; Б. А. Лагунин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1955.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 34, рис. 14, 6; стр. 39, рис. 17, 3, 5.

¹⁸ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, табл. ХCV, 32, 34, 52, 54.

¹⁹ К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I. Алма-Ата, 1956, стр. 5—32.

долины. В последних мы находим и глубокие плоскодонные открытые горшки и кружки. Низкие приземистые горшки известны в могильниках Тамды и Харгуш на Памире (рис. 2, 27, 28, 32)²⁰. При этом сходство не ограничивается только формой, но нередко, особенно в Илийских могильниках, аналогичны и техника лепки и характер покрытия — светлая облицовка, а иногда и следы окраски. Среди этой посуды ферганская выделяется наличием сосудов, изготовленных на круге, а также окраской и росписью лепной посуды. Наиболее полные аналогии ферганской керамики дают могильники Шарт и Дараут-Курган, где крашенная расписная посуда (рис. 2, 35—37, 39) сочетается с круговой (рис. 2, 33)²¹.

С другой стороны, к юго-западу и западу от Ферганской долины на территории искони земледельческих районов Средней Азии, таких как Бактрия, Маргиана, Хорезм, формы керамики этого периода резко отличаются от ферганских. Здесь гораздо шире употребляется столовая посуда, изготовленная на гончарном круге. Формы ее более разнообразны, и ведущими, видимо, являются сосуды с усеченно-конической нижней частью, совершенно неизвестные в Фергане. С глиняной посудой западных и юго-западных районов Средней Азии посуду ферганских могильников сближает технология изготовления круговой посуды. Последняя во всех этих районах сделана из светлой глины с примесью мелкого серого песка, большей частью со светлой облицовкой (исключением является Хорезм, где в это время уже широко употреблялся красный ангоб)²², нижняя часть сосудов обычно подрезалась ножом. Однако этим сходство керамики Ферганы и других земледельческих районов ограничивается.

Таким образом, в середине I тысячелетия до н. э. можно наметить две группы районов, различающихся по основным формам керамики. Одна, западная, куда входят территории южной Туркмении, Хорезма и Среднеазиатского Междуречья; другая, восточная, включающая районы Ташкентского оазиса, Тянь-Шаня, Семиречья и Памиро-Алая, куда относятся и Фергана (рис. 2). Черты близости культуры населения Ферганы и ее кочевых соседей проявляются не только в керамике. Большое сходство с рядом могильников Тянь-Шаня и Семиречья имеется в погребальном обряде; расположение курганов цепочкой по линии С — Ю, каменные полусферические насыпи с кольцом под ними на дневной поверхности, захоронения в грунтовых могилах в вытянутом положении головой на запад, иногда, как в могильниках Аламышик, Джергетал, Джаркимбай и Ача-Тюбе на Тянь-Шане, — каменные «подушки» под головами погребенных²³. Имеются семейные захоронения как в одной могиле, так и в нескольких могилах под одной насыпью (могильник Бес-Шатыр в Семиречье, Каракольский на Иссык-Куле, Чак на Алае)²⁴.

В состав инвентаря этих могильников входят такие широко распространенные изделия, как узкие железные ножи со слабо выделенной рукояткой, железные и бронзовые булавки, железные бусы и др.

Таким образом, можно говорить не просто о сходстве керамики, но о близости ферганской культуры и культуры населения горного и степного окружения долины, что является результатом тесных культурных взаимосвязей населения Ферганы и ее ближайших соседей.

²⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 311, рис. 136, 2, 7; стр. 287, рис. 119.

²¹ Там же, стр. 196, рис. 79, 1; стр. 200, рис. 83.

²² М. В. Воробьев. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХЭ, IV, 1959, стр. 82.

²³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 27—40.

²⁴ К. А. Акишев. Ук. соч., стр. 5—32; его же. Саки Семиречья. Тр. ИИАЭ КазССР, VII, 1959; М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 170; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960, стр. 70—71.

Еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы, наряду с памятниками оседлых земледельцев, для материальной культуры которых характерно наличие расписной керамики, в Фергане отмечены памятники культуры андроновского типа²⁵ с характерной керамикой баночных форм, украшенной штампованным орнаментом. Как известно, основная территория распространения андроновской культуры находится севернее Ферганы, в степях Казахстана и южной Сибири. Южной ее границей, по-видимому, являются северные районы Средней Азии — Семиречье²⁶, Тянь-Шань²⁷, Ташкентский оазис²⁸, Приаралье²⁹. Фергана же входит в южный круг культур эпохи бронзы, культур с крашеной и расписной керамикой. Памятники андроновской культуры для Ферганы — скорее всего результат проникновения сюда северных ее соседей. Пока нет данных, чтобы судить о взаимоотношениях этих двух групп населения на территории Ферганы.

К VI—V вв. до н. э. на обширных степных территориях Европы и Азии население переходит к кочевому образу жизни. Такой же процесс происходит на соседних с Ферганой территориях Семиречья и Тянь-Шаня. Процесс проникновения в Фергану соседних племен становится, возможно, еще более интенсивным.

В результате в культуре Ферганы эйлатанского периода можно отметить черты, характерные как для культуры ферганских земледельцев, так и для культуры соседних степных и горных племен, что объясняется их длительным сосуществованием и взаимовлиянием. Считается, что на территории Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая обитали племена, входившие первоначально в сакский, а затем в усуньский союз племен. Сакский и усуньский характер керамики Ферганы отмечали уже А. Н. Бернштам³⁰ и Т. Г. Оболдуева³¹. Новые данные позволяют говорить не только о простом сходстве керамики, но и об общих чертах в культуре.

Таким образом, анализ керамики Ферганы и некоторые другие данные позволяют говорить о том, что эйлатанский этап культуры ферганских земледельцев генетически связан с предшествующим чустским этапом.

В то же время на эйлатанском этапе ферганская культура имеет ряд общих черт с культурой сакских (усуньских?) племен, обитавших на соседних, окружающих Фергану территориях Тянь-Шаня, Семиречья, Памира и Алая. Длительная взаимосвязь населения Ферганы с этими племенами и проникновение какой-то части их в Ферганскую долину привело, по всей вероятности, к тому, что в середине I тысячелетия до н. э. население Ферганы было родственно сакам (усуням?) не только в культурном, но и в этническом отношении, что уже отмечал ранее А. Н. Бернштам.

²⁵ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3, стр. 130—135; Б. А. Литвинский. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, ХСІ, 1959, стр. 39, 51.

²⁶ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., табл. XXIX, XXX.

²⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 20.

²⁸ Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, 59, 1955.

²⁹ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХЭ, IV, 1959.

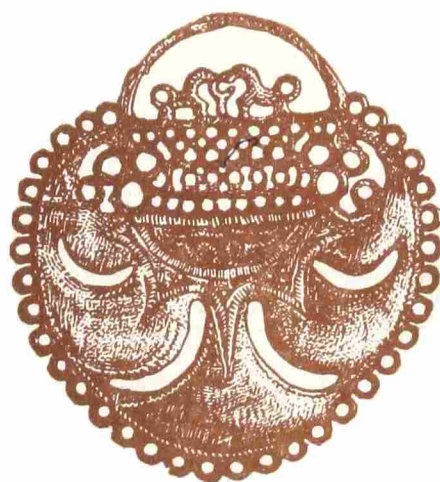
³⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 211.

³¹ Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения..., стр. 30.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1983

ГОРБУНОВА Н. Г.

КУГАЙСКО-КАРАБУЛАКСКАЯ КУЛЬТУРА ФЕРГАНЫ

В конце I тысячелетия до н. э. в культуре древней Ферганы происходят существенные изменения. Большинство исследователей, отмечая новый период в ее культуре, относят его суммарно ко времени II в. до н. э.—VI в. н. э., отделяя от предшествующего (эйлатано-актамская культура) и последующего (тюрко-согдийского?). Делались также попытки наметить этапы внутри него. Периодизацией древних культур Ферганы занимались Б. А. Латынин [1, с. 160—170], А. Н. Бернштам [2, с. 217—230], Ю. А. Заднепровский [3].

Вопросы, связанные с выделением рассматриваемого периода, его датировкой и др., уже излагались в печати [4], следует лишь добавить новые данные. Так, исследование Е. Д. Салтовской поселений и могильников на северо-западе Ферганы позволило показать постепенные изменения в керамике со II в. до н. э. до VI в. н. э. в этом районе [5], что сыграло существенную роль в создании сводной периодизации керамики ферганских поселений [6]. Одновременно большую работу по исследованию материалов из могильников Западной Ферганы проделал Б. А. Литвинский [7—10]. Анализ погребального инвентаря позволил ему наметить хронологические границы могильников в целом и бытования отдельных вещей. Могильники с погребениями в катакомбах, подбоях и грунтовых могилах он предложил объединить в одну «карабулакско-ворухскую культуру» [7, с. 127—129], а могильники с наземными сооружениями (курумы, муг-хона) — в «аштскую» [7, с. 212]. Однако группировка их по этим двум культурам практически основана только на различии погребальных сооружений без учета инвентаря и материалов поселений.

Значительные материалы из поселения и могильника Кайрагач получены за последние годы Г. А. Брыкишой [11]. Новые археологические данные позволяют вернуться к вопросу об общей характеристике культуры Ферганы указанного времени. Общность ее на всей территории долины¹, несмотря на некоторые локальные особенности, позволяет предложить общее наименование всего периода — кугайско-карабулакская культура. Двучленность названия подчеркивает общность в культуре земледельцев и скотоводов, включая названия первого исследованного поселения Кугай [12, с. 109] и наиболее известного могильника Карабулак [7, с. 14]². В это понятие вкладывается характеристика комплекса форм материальной культуры населения Ферганы определенной эпохи, независимо от его этнического происхождения, которое могло быть различным. Для характеристики культуры используется материал как поселений, так и могильников (рис. 1).

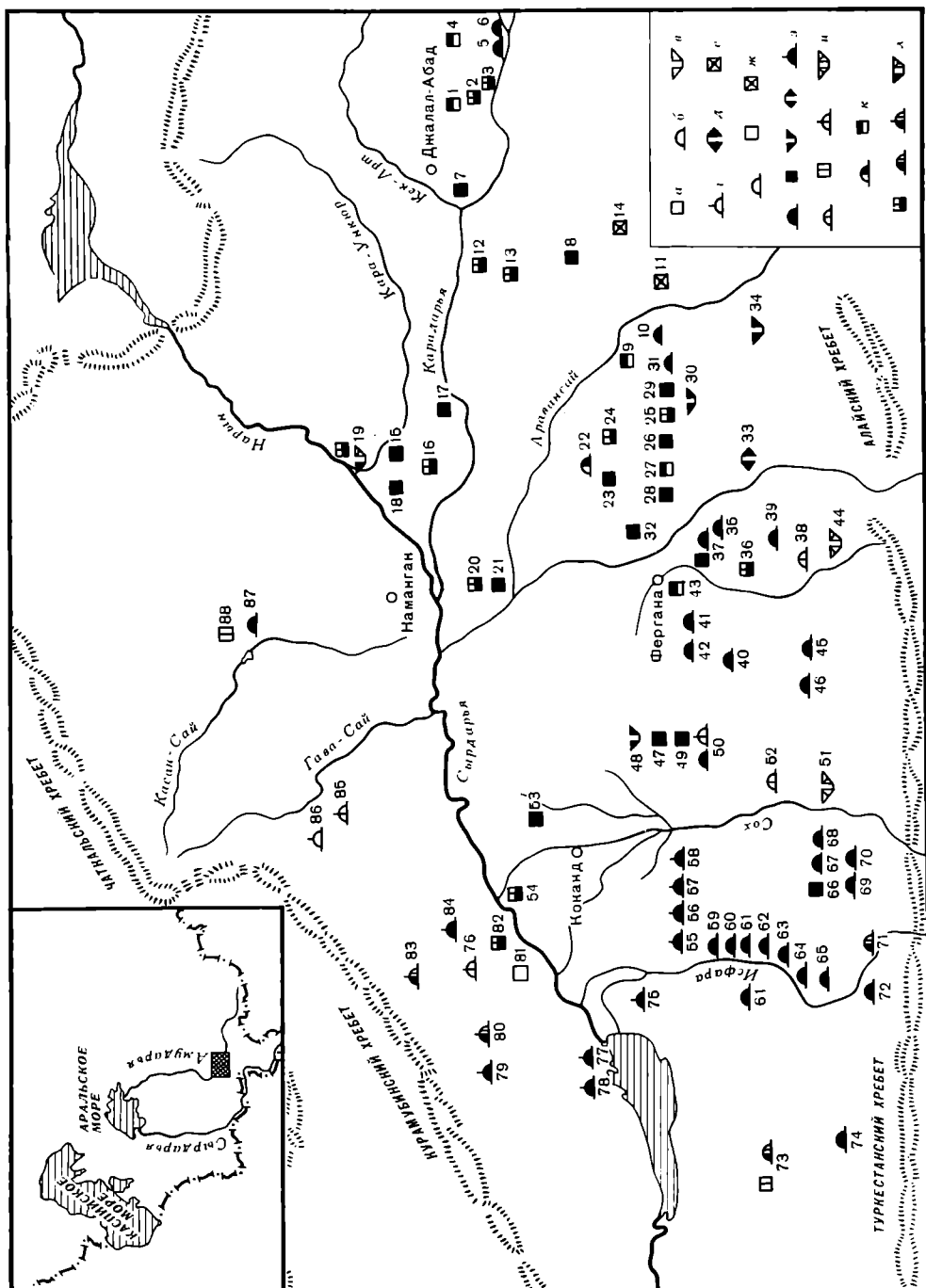
Основные черты кугайско-карабулакской культуры, претерпевающие постепенные изменения на протяжении ее развития, следующие: увеличение числа поселений разного типа [12], распространяющихся повсеместно по всем дельтовым протокам горных рек; наличие центрального

¹ Территория Ферганы как историко-культурной области рассматривается в пределах горных хребтов: на востоке Ферганский, на севере Чаткальский, Атойнакский и на юге Алайский, Туркестанский, а также бассейна р. Ходжа-Бакырган на западе. Западнее очерченного района, видимо, в древности была территория Согдианы.

² Большинство памятников, упоминаемых в статье, уже неоднократно фигурировало в печати, поэтому здесь в основном приводятся ссылки на те из них, где читатель найдет соответствующую библиографию.

Рис. 1. Памятники кугайско-карабу-
лакской культуры Ферганы:

а — поселения; *б* — курганные могилы; *в* — бескурганные могилы; *г* — наземные погребальные постройки; *д* — нещера; *е* — пашкальные изображения; *ж* — наметники раннего этана; *з* — раннего этана; *и* — позднего этана; *к* — раннего и среднего этанов; *л* — среднего и позднего этанов.

[illegible]

помещения в планировке зданий, в прямоугольных, округлых и крестовидных в плане постройках. Здания часто возводятся на стилобатах. В строительном деле используется сырцовый кирпич, пахса, гувалья (глиняные комья удлиненной формы). Характерны оборонительные сооружения, состоящие из стен с прямоугольными башнями со стреловидными бойницами в них, на последнем этапе повсеместно прекращающие существование. Многообразны погребальные памятники: курганные могильники с погребениями в грунтовых мелких и глубоких могилах, нередко перекрытых деревом, в подбоях и катакомбах разных типов, в наземных каменных сооружениях. Известны также наземные сырцовые погребальные сооружения и погребение в пещере [13; 14, с. 27]. Керамика в основном сделана на круге, покрыта красным, реже черным или белым ангобом. Часть ее украшена геометрическим процарапанным орнаментом по подсушенному ангобу [6, 8]. Лепная посуда — тарная и кухонная; в некоторых могильниках значительно число лепных кувшинов. Лепная столовая посуда, крашенная и расписная, длительное время сохраняется на востоке Ферганы, где она сосуществует с круговой красноангобированной [6, с. 131, 132]. Помимо глиняной известна деревянная посуда, а также деревянные столики и плетеные корзинки. Орудия труда изготавливались из камня и железа. Для прядения использовались деревянные веретена с глиняными, реже деревянными пряслами. Вооружение состояло из сложносоставных луков со стрелами с железными наконечниками разных типов, двулезвийных и однолезвийных кинжалов, двулезвийных мечей, чешуйчатых (?) панцырей. К предметам женского туалета относятся бронзовые зеркала разнообразных типов, миниатюрные глиняные сосудики, деревянные или бронзовые туалетные коробочки, костяные шкатулки, а также косметический прибор, состоящий из каменной заостренной палочки (сурьматаша) и кусочка графита. Для мужского костюма характерны пояса с железными и бронзовыми пряжками разных типов. Для женского — богатый набор украшений: начельные повязки с бляшками, серьги разных типов, сложные нагрудные украшения и ожерелья, браслеты из бус, бронзовые и железные перстни и кольца. Некоторые изделия украшены цветными вставками. Известны хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани.

Некоторые из перечисленных признаков не являются специфическими для Ферганы, другие, наоборот, характерны для этого района: детали фортификации, крестовидные в плане постройки, особенности строительных материалов (гуваля [15], размер кирпича), катакомбы «хангизского» и «дамкульского» типов, подбой могильника Дамкуль [13, с. 89, 91], керамика, частично вооружение (большое количество трехгранных наконечников стрел), типы прясел, косметические наборы, часть женских украшений. Характерным является также (при сравнении с другими земледельческими центрами Средней Азии) отсутствие живописи, скульптуры и мелкой пластики (за исключением примитивных «идольчиков»), монет как показателя денежного обращения (китайские монеты «у-шу» входили лишь в состав украшений). Перечисленные особенности дают, на наш взгляд, основание для выделения кугайско-карабулакской культуры, распространенной на территории Ферганы.

Изучение всех категорий находок как с поселений, так и из могильников (главным образом керамики, наконечников стрел, пряжек и зеркал) позволяет подтвердить существование трех этапов в ее развитии: раннего, среднего и позднего. Основным критерием при их выделении явились керамические комплексы из раскопок стратифицированных поселений [6]. При сопоставлении керамики с поселений и из могильников возникли трудности, объяснимые двумя причинами. Во-первых, неравномерностью в исследовании поселений и могильников, что затрудняет сопоставление керамики. При этом не всегда исследованные могильники и поселения территориально близки. Вторая трудность заключается в различии ассортимента посуды. В могильниках преобладают кувшины — наименее восстанавливаемая форма из фрагментированной керамики поселений. С большей уверенностью сопоставляются горшки, миски, фляги.

Несмотря на эти трудности, можно говорить о сходстве керамики синхронных поселений и могильников, расположенных в пределах одного района.

Дополнительные обоснования существования трех этапов культуры были получены в результате распределения по памятникам с соответствующими керамическими комплексами еще трех категорий находок: наконечников стрел, пряжек и зеркал. При этом также выявились некоторые сложности. Для четкого хронологического выделения необходима повторяемость основных категорий находок в погребальных комплексах³ или стратиграфическое их распределение по слоям поселения. Последнее было прослежено для наконечников стрел на поселениях Куюк-Тепе [6, с. 142] и Кайрагач (по сообщению Г. А. Брыкиной). Что касается погребений, то наборы наконечников стрел в ферганских могильниках небольшие (исключение составляет могильник позднего этапа — Кокташ у Вуадия). При корреляции наконечников стрел с пряжками такие совпадения прослежены для 10 погребений в шести могильниках. Обе эти категории находок встречаются в мужских погребениях и никогда, следовательно, не встречаются вместе с зеркалами — специфической находкой женских погребений. Но все же удалось выявить определенную тенденцию синхронных изменений указанных выше четырех категорий находок⁴. С учетом некоторых изменений в архитектуре и других категориях находок, можно предложить относительную хронологию памятников и охарактеризовать намеченные этапы, пока еще неравноценные по объему материала.

Ранний этап (рис. 2). К нему могут быть отнесены только восемь памятников (рис. 1), из которых наиболее ранними в пределах данного этапа являются Тудай-Хурд и Ашт I [5, с. 7, 9], а наиболее поздним — Сым-Тепе [6, с. 128]. Кроме того, к раннему этапу, несомненно, впоследствии можно будет отнести часть поселений верховьев Карадарьи, где относительная хронология материалов пока недостаточно разработана [6, с. 137]. Небольшое количество известных памятников раннего этапа может быть объяснено разными причинами: слои раннего этапа на крупных поселениях, обычно скрытые толщей более поздних напластований, лишь частично и не всегда вскрываются раскопками. Небольшие же поселения к нашему времени уже уничтожены сельскохозяйственными работами. Но не исключено все же, что на этом этапе заселение долины еще не было сплошным. Слабая изученность небольшого числа более ранних поселений эйлатано-актамской культуры не позволяет выделить в строительстве и архитектуре новые черты, появляющиеся на раннем этапе кугайско-карабулакской культуры. Но очевидно, что уже известны постройки, возведенные на стилобатах, и здания с центральным большим помещением (рис. 2, 27). Перекрытия плоские, для них используются деревянные опоры. В строительстве употребляется прямоугольный сырцовый кирпич различных нестандартных размеров (50×30×10; 60×30×13 см) с прочерченными знаками. В небольшом количестве встречается квадратный кирпич и пахса.

В погребальном обряде также прослеживается традиция эйлатано-актамской культуры: захоронения совершаются в грунтовых могилах и каменных ящиках с западной ориентировкой погребенных. Происходят изменения в гончарном производстве. На какой-то период оно, видимо, приходит в упадок и увеличивается количество лепной посуды. Затем процентное соотношение меняется, и новая керамика, покрытая красным ангобом (на раннем этапе блестящая, иногда с желтоватым оттенком), прочно и надолго завоевывает ведущее место. В лепной посуде преобладают округленные или плоскодонные миски, в том числе и вы-

³ К сожалению, материалы из наиболее богатых и крупных могильников Ферганы — Кара-Булака, могильников Исфаринской долины и Гур-мирона — опубликованы суммарно, что затрудняет анализ комплексов.

⁴ Наконечникам стрел, пряжкам, зеркалам будут посвящены отдельные статьи, здесь же за недостатком места приводится только их характеристика по этапам.

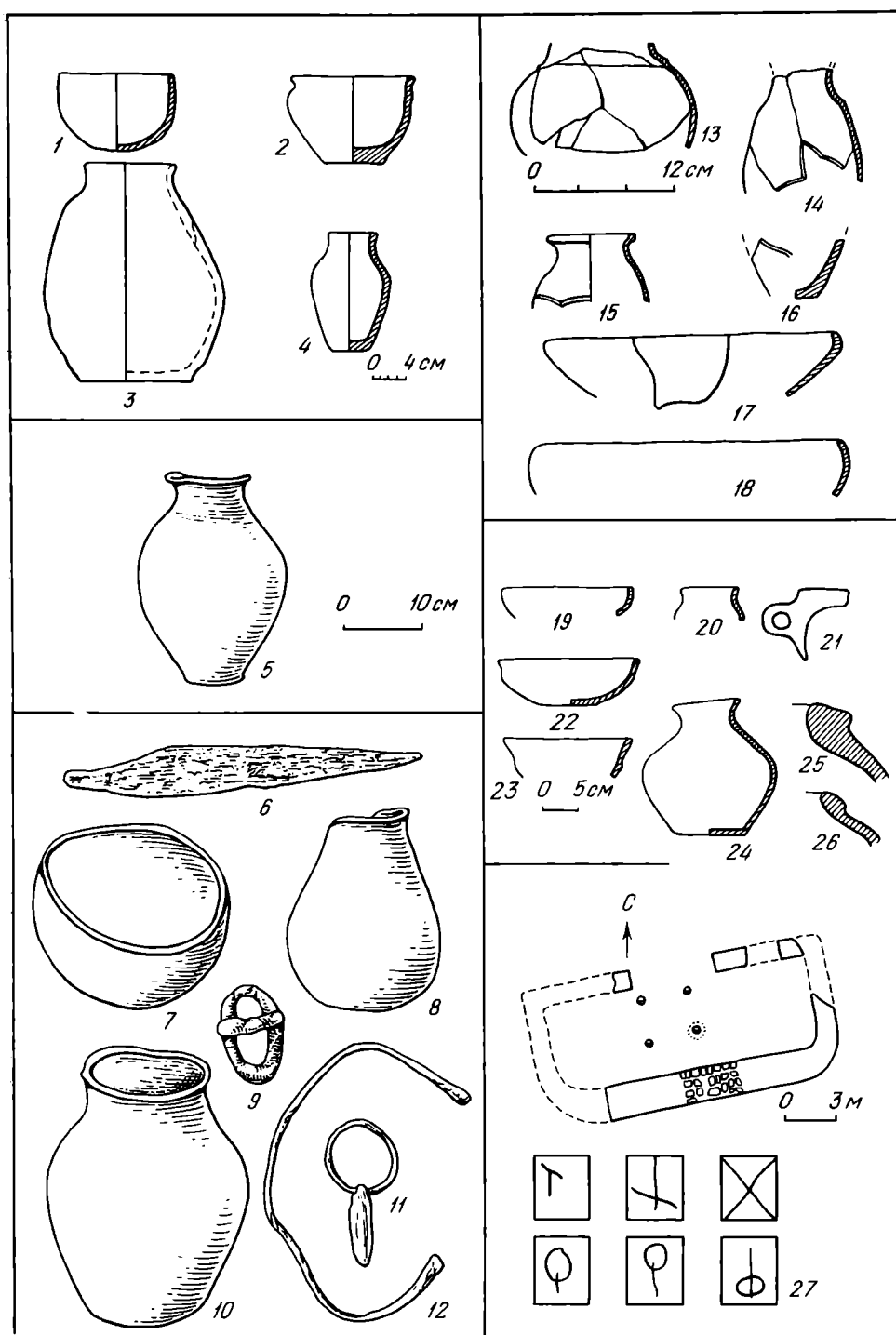

Рис. 2. Ранний этап кугайско-карабулакской культуры. 1—4 — находки на Большом Ферганском канале (по Т. Г. Оболдуевой); 5 — могильник Тал-мазар (по В. Д. Жукову); 6—12 — могильник Багджой (по М. Э. Воронцу); 13—18 — поселение 5^а, нижний слой (Керкидон); 19—27 — поселение Сым-Тепе; 1, 3, 7, 8, 10, 21 — лепная посуда, остальная — круговая; 6, 9 — железо; 11 — бронза и паста; 12 — бронза

лепленные на матерчатом шаблоне (рис. 2, 7). Во всех районах, кроме Узгенского, она не имеет покрытия либо покрыта красным ангобом. В Узгенском районе сохраняется расписная и крашенная посуда, близкая, вероятно, еще к керамике эйлатано-актамской традиции. В круговой посуде ведущими являются миски, горшки и кувшины, напоминающие еще круговую посуду предшествующего времени [6, с. 132, 133, 137]. Возможно, в это же время появляются сосуды с процарапанным орна-

ментом. Помимо поселений (рис. 2, 13—26) керамика раннего этапа найдена в могильниках Багджой [16, с. 58—63] (рис. 2, 7, 8, 10), Талмазар [13, с. 90] (рис. 2, 5), в каменных ящиках северо-западного района [5, с. 16], в отдельных погребениях, вскрытых при строительстве каналов [17, с. 24] (рис. 2, 1—4).

Прочий инвентарь в основном происходит из могильника Багджой, где найдены узкие железные наконечники стрел с треугольным основанием пера, размерами боевой части 2,5—3 см. Помимо такого типа наконечников вероятно бытование наконечников с опущенными концами перьев. Там же найдены овально- (рис. 2, 9) и прямоугольно-рамчатые железные пряжки, а также ряд украшений: амфоровидная подвеска (рис. 2, 11), серебряное колечко со вставкой, бронзовый браслет (рис. 2, 12), сурьматаш, часть диска бронзового зеркала, вероятно, с боковой ручкой, железный нож (рис. 2, 6). Все эти находки, пока малочисленные, могут свидетельствовать о бытовании их на раннем этапе, когда появляются новые формы различной утвари (ножей, пряслиц, сурьматашей) и украшений.

Несмотря на малочисленность материалов раннего этапа, устойчивость их сочетания, в первую очередь керамики разных памятников, убеждает в его существовании и позволяет надеяться на накопление нового материала.

Средний этап (рис. 1; 3—6). К нему относится большинство исследованных памятников (28 поселений, 32 могильника). Это период расцвета культуры. В дальнейшем и внутри него, вероятно, возможно будет выделить дополнительные этапы. Уже сейчас можно отметить, что часть памятников относится скорее всего к началу среднего этапа, например некоторые погребения могильников Гур-мирон, Усто-Мулла, Тура-таш, Кара-джар, Кара-Кульджа, вероятно, и Кара-булака; поселения Шурабашат, Кулунчакские I и II. К концу этапа относится часть погребений могильника Кара-Булак, могильники Урюкзор, Дамкуль, Мархаматский. Дальнейшее накопление материала, несомненно, позволит уточнить соотношение памятников среднего этапа. На этом этапе наблюдается увеличение количества поселений, располагающихся по веерам горных рек, использовавшихся сначала как естественные протоки, а затем превращенных в каналы. Бассейны одной или двух рядом расположенных рек образуют пригационные районы, в которых и сосредоточены поселения разных типов: укрепленные и неукрепленные отдельно стоящие дома, многоквартирные дома, сельские поселения, часть из которых имела цитадели с хорошей оборонительной системой, постройки специально оборонительного характера — среди них крепости на скалах. Крупных городищ с оборонительными стенами и башнями немного, они слабо изучены, но часть из них определенно относится к среднему этапу. В строительстве используется сырцовый прямоугольный кирпич с размерами, близкими 1:1,5 (42—48×32—37×8—10 см), гувалья и пахса. По-прежнему на кирпичях имеются знаки. Постройки возводятся на стилобатах разной конструкции (использование старых построек, клетки, образованные сырцовыми стенами и забитые внутри гувалья и обломками кирпичей, кирпичные или пахсовые и пр.) или без них. Перекрытия не только плоские, но и сводчатые, перекрывающие коридоры и башни. Постройки в плане прямоугольные, округлые, крестовидные. В планировке по-прежнему сохраняется центральное помещение. Развивается фортификация. Стены построек укреплены часто расположенными прямоугольными башнями. В стенах и башнях — стреловидные бойницы с выходным отверстием до 1 м и входным 30—50 см. Стреловидная часть почти всегда заложена и имеет чисто декоративное назначение. Имелась стрелковые галереи.

Происходят изменения в погребальном обряде. Характерно многообразие типов погребальных сооружений [13]. В керамике преобладает круговая посуда — 70—90% всей керамики (рис. 3). Ангоб низкого качества с многообразными тусклыми оттенками покрывает сосуды сплошь (изредка с дном) на $\frac{2}{3}$ (рис. 3, 10, 11) или опоясывает полосами

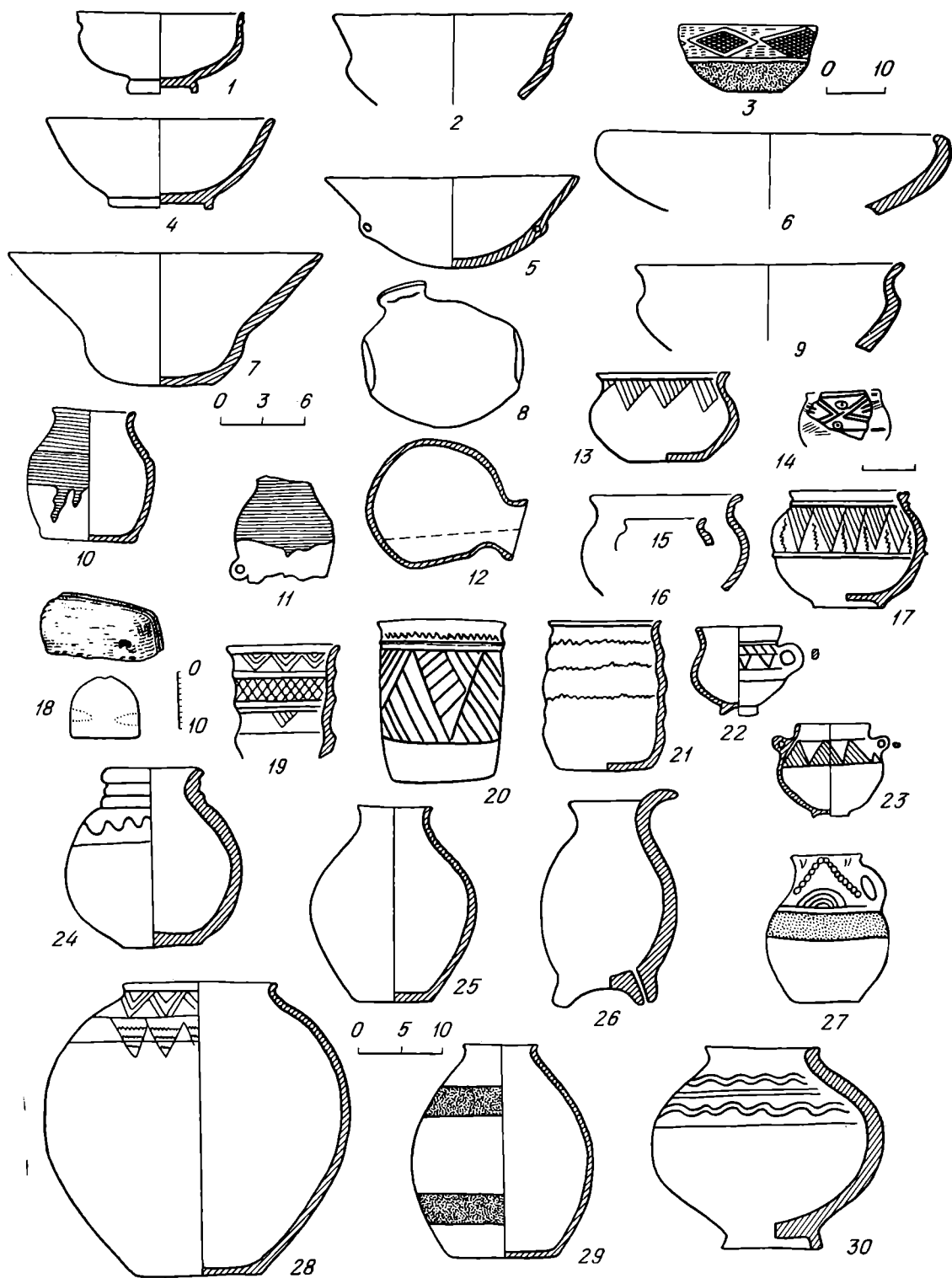

Рис. 3. Керамика среднего этапа кугайско-карабулакской культуры: 1 — могильник Чорку I; 2, 9, 15 — поселение 5^а (Керкидон); 3, 6, 14, 18, 27 — городище Шурабашат; 4, 17 — могильник Калаптар-хона; 5 — поселение Майда-Тепе; 7, 10, 11, 13, 19, 28, 29 — поселение Куюк-Тепе I; 8, 24, 30 — могильник Кара-булак; 12 — могильник Чорку II; 16 — городище Мархамат; 20 — могильник Кош-Тепе; 21 — поселение Гайрат-Тепе II/2—3; 22 — могильник Исфара; 23 — могильник у Ворухского ущелья; 25 — могильник Тал-мазар; 26 — поселение Мунчак-Тепе I (5 — по Г. А. Брыкиной; 8, 24, 30 — по Ю. Д. Баруздину; 20 — по В. Д. Жукову; 21 — по В. И. Козенковой)

(рис. 3, 29). Типы круговой посуды многообразны: миски, горшки, кувшины, фляги, сосуды на крупных поддонах [6]. Самая характерная черта — украшение горшков (очень редко кувшинов) геометрическим процарапанным орнаментом (рис. 3, 13, 17, 19–23). В среднем орнаментированная посуда составляет от 7 до 15%, но в ряде случаев до 26%. Изредка встречаются изображения лошадей, птиц, деревьев, солнца. Часть сосудов (в большинстве случаев кувшины) имеет прочерченный волнистый орнамент (рис. 3, 24, 30). Лепная кухонная посуда представлена небольшим числом мисок, горшков, котлов, тарная — кувшинами, хумчами и хумами [6, с. 134, 135]. Расписная (рис. 3, 14, 27) и крашеная керамика по-прежнему сохраняется на востоке долины, но формы ее более многообразны, а орнамент богатый, криволинейно-растительный [18, с. 130–138]. В могильниках преобладают кувшины, хотя в некоторых из них, например на юге центральной части долины (Хангиз I), миски составляют 20%. Керамика могильников сходна с керамикой поселений, что отмечается на следующих памятниках: муг-хона Аштской группы и поселения Тудай-Калон I [5, с. 16], могильник и поселение Кайноват [17, с. 11]. Керамика последних имеет аналогии на поселении Куюк-Тепе I (отчасти Куюк-Тепе II), находящемся поблизости, и в посуде из могильника Гур-мирон, расположенного в 40–50 км; поселений Керкидонской группы и могильников Зор-Тепе и Керкидон. Керамика из могильников Коштепинского [13, с. 90] и Хангиз I, расположенных в одном районе, аналогична и сходна с керамикой поселения Киткон-Тепе, расположенном там же. Посуда из могильников Кара-джар и Кара-Кульджа [13, с. 91] аналогична керамике с поселений Узгенского района. В основном к среднему этапу относится также керамика большой группы могильников юго-западного района Ферганы [8]. Правда, из находящихся поблизости поселений было частично исследовано только Ак-Тепе [19, с. 93–98], керамика которого, несмотря на ее малочисленность, аналогична посуде из могильников. Известны находки очажных подставок на поселении Шурабашат (рис. 3, 18).

Деревянная посуда (блюда, миски, кружки), столики на ножках, плетеные корзинки разного назначения найдены в погребениях различного типа [10, с. 62–70; 14, с. 27, 28].

Вооружение. Сложносоставные луки были найдены полностью в могильнике Кара-Булак [20, с. 62] (рис. 4, 1). Костяные накладки от таких луков происходят как из могильников, так и с поселений. В поселениях и могильниках среднего этапа найдено около 90 железных наконечников стрел. Из них трехперые составляют 63%, пулевидные и трехгранные — 30% и есть несколько экземпляров четырехгранных.

Трехперые наконечники стрел представлены следующими типами: с опущенными концами перьев — 12 экз. (рис. 4, 19), с прямым — (15 экз.) и тупоугольным (13 экз.) основанием пера (рис. 4, 2, 5, 6), с лавролистным очертанием головки (5 экз.) (рис. 4, 20), с фигурным вырезом пера (3 экз.) или муфтой-упором (8 экз.) (рис. 4, 18). Все они имеют длину боковой части 2,5–4 см. Таких же примерно размеров трехгранные и пулевидные наконечники (рис. 4, 7, 16), среди которых есть единичные экземпляры с упором-порожком (рис. 4, 4) и четырехгранные (рис. 4, 3, 17). Имеются и находки древков стрел.

Кинжалы железные двулезвийные с прямым перекрестьем без навершия [20, с. 64] (рис. 4, 8). Большинство из них без перекрестья, с черенком для насадки рукояти, состоящей из двух фигурных костяных пластин, скрепленных железными штифтами (рис. 4, 12–15). Длина их 15–30 см. Однолезвийные кинжалы (собственно, крупные ножи) тоже имеют черенок для насадки такой же рукояти (рис. 4, 11; 5, 17). Длина их 20–47 см при ширине 2–5 см. Кинжалы носили в деревянных ножнах. Известны двулезвийные мечи длиной до 90 см с покатыми плечиками и черенком для насадки рукояти (рис. 4, 10). К оборонительному доспеху относятся железные почти прямоугольные пластинки (размеры сторон: длина 35 мм, ширина 15 и 16 мм) с мелкими отверстиями, найденные на поселении Куюк-Тепе.

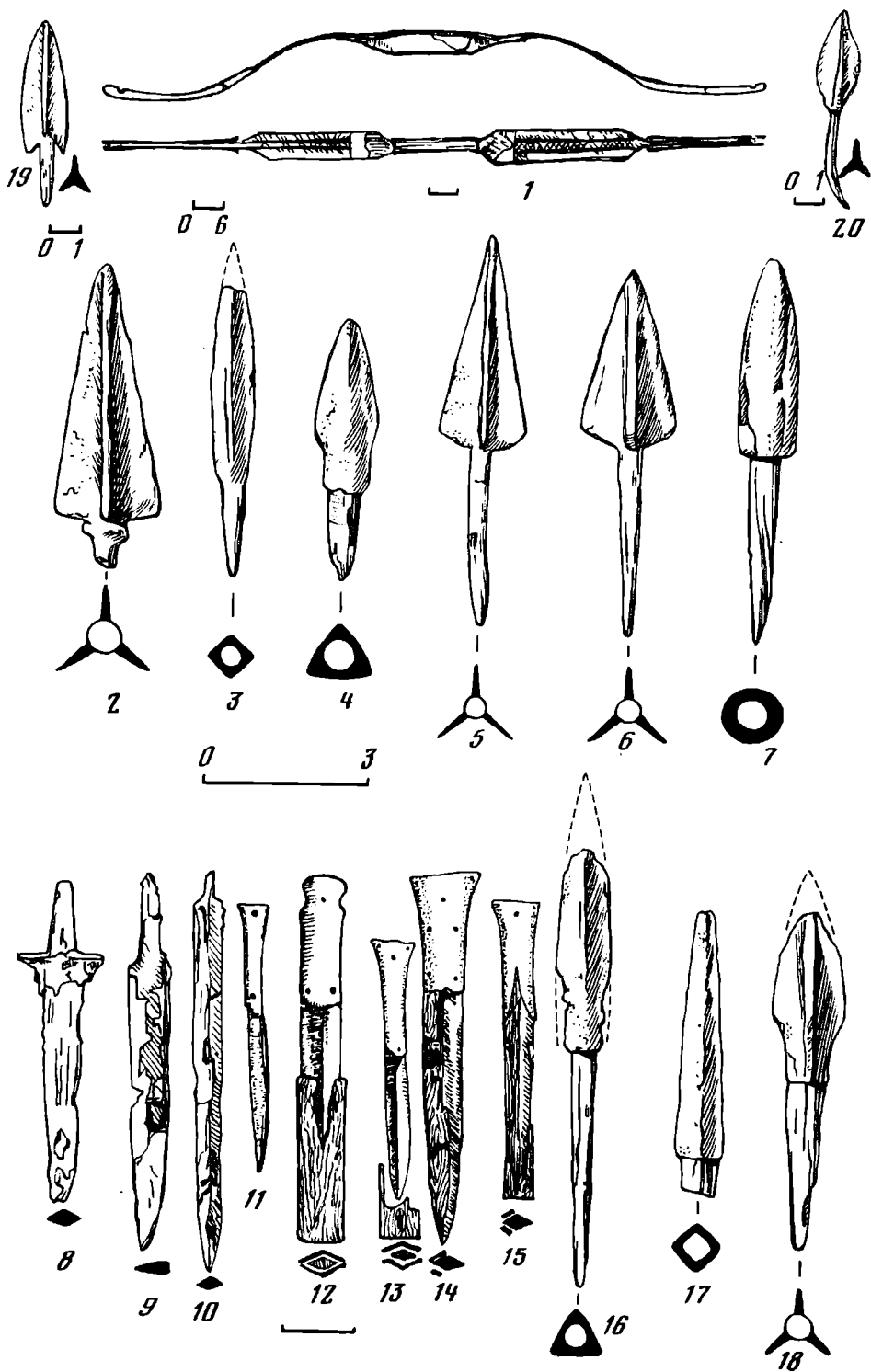

Рис. 4. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Вооружение. 1—18 — могильник Кара-Булак (по Ю. Д. Баруздину): 1 — реконструкция лука; 2—7 — кург. 112; 8—15 — номера курганов неизвестны; 16—18 — кург. 23; 19 — могильник Калантар-хона, кург. 11 (по Б. А. Литвинскому); 20 — поселение 5^а (Керкидон). 1 — дерево, кость; 2—10, 16—20 — железо, 11—15 — железо, кость, дерево

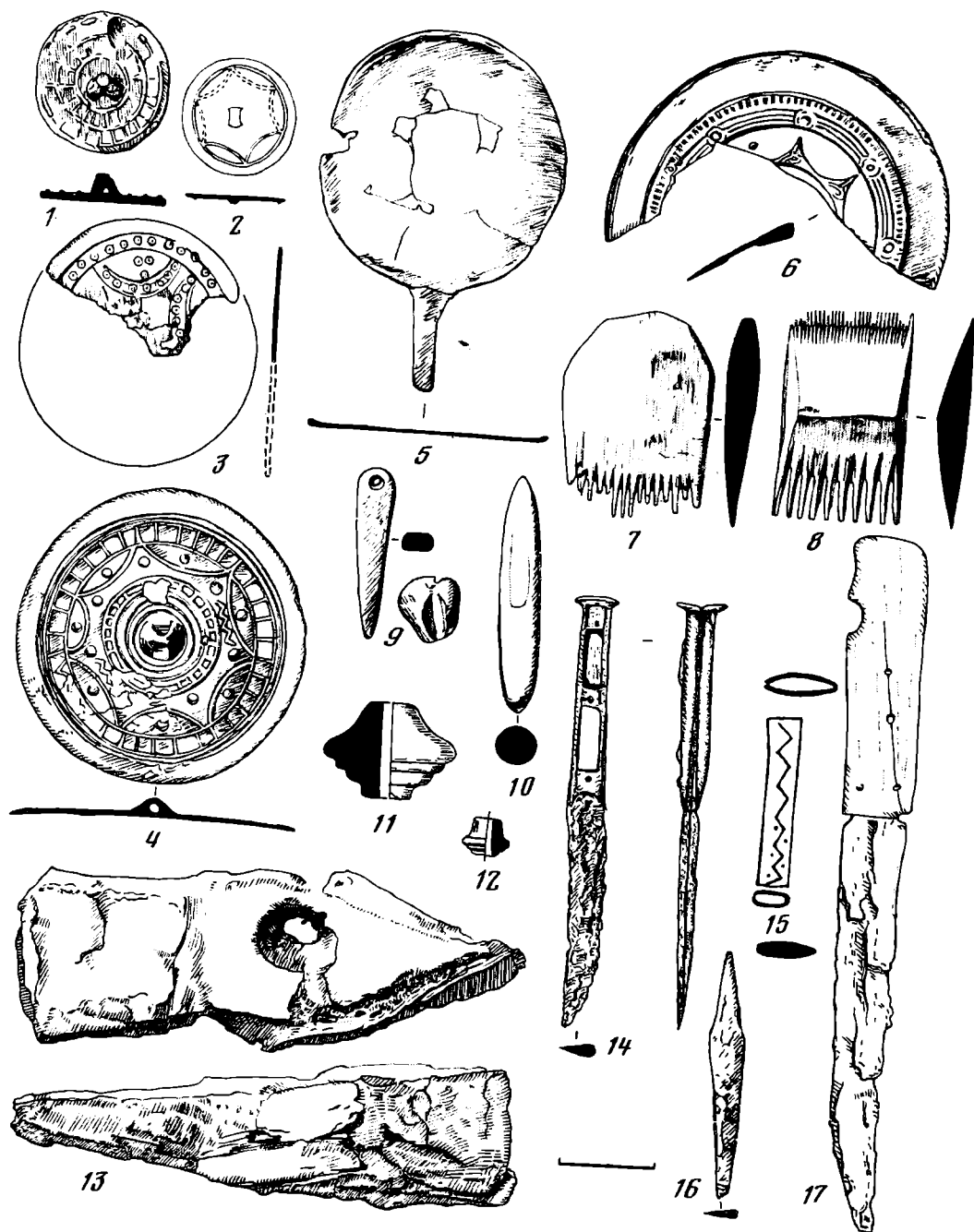

Рис. 5. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Орудия труда и бытовая утварь. 1, 10, 14 — могильник Урюкзор, курганы II/1, I/16, I/18; 2 — могильник Гурмирон, кург. 14 (по А. Н. Бернштаму); 3 — поселение Арк-Тепе; 4 — могильник Хангиз I, кург. 7; 5—9 — могильник Кара-булак (кург. 77, 116, 60, номера двух курганов неизвестны); 11 — поселение 5^а (Керкидон); 12 — могильник Рапкан-мазар, кург. 1; 13, 16, 17 — поселение Куюк-Тепе I; 15 — могильник Калантар-хона, кург. 14 (по Б. А. Литвинскому); 1—6 — бронза; 7, 8 — дерево; 9, 10 — камень; 11, 12 — глина; 13, 16 — железо; 14 — латунь, железо, кость; 15 — кость; 17 — железо, кость

Орудия труда. Большое количество зернотерок встречается на поселениях и изредка в могильниках. Все они ладьевидной формы, достигают в длину до 50 см (жерновов еще нет). На поселениях встречаются и другие каменные орудия: терочники, ложила, орудия типа мотыги, оселки (последних очень мало, в том числе и в могильниках, в отличие от эйлатано-актамской культуры.) Из железных орудий труда известны

топоры-тесла (рис. 5, 13) и многочисленные ножи [10, с. 10–20] разных размеров, большей частью со слегка закругленной спинкой и черенком — продолжением спинки. Известны костяные рукоятки ножей в виде трубочек (рис. 5, 15). Единичны находки ножей изогнутой формы. Только в женских могилах найдены ножи особой формы — с бронзовой составной рукояткой с инкрустацией [10, с. 32] (рис. 5, 14). Многочисленны как на поселениях, так и в могильниках глиняные пряслица одинаковой, большей частью биконической формы, с круговыми желобками на одной из половин [10, с. 41, 42] (рис. 5, 11, 12).

Предметы туалета. Бронзовые зеркала наиболее разнообразны на среднем этапе [10, табл. 15, 17; табл. 20; табл. 16, 5–8; табл. 19, 4]: с гладким диском или утолщенным ободком с боковой ручкой (рис. 5, 5), с горизонтальной ручкой на обратной стороне [19, рис. XV, 1, 2], с ручкой-петелькой в виде полусферического выступа или скобки на обратной стороне, иногда с орнаментом (рис. 5, 1, 2), китайские зеркала и подражания им (рис. 5, 4, 6). Реже встречаются дисковидные гладкие или орнаментированные (рис. 5, 3). Почти все зеркала происходят из погребений. Повсеместно на поселениях и в могильниках найдены косметические приборы (сурьматаш и кусочек графита) (рис. 5, 9, 10). В могильниках чаще встречаются сурьматаш с отверстием для подвешивания [10, с. 127–133]. Длина их 7–10, иногда до 15 см. Многочисленны косметические миниатюрные сосудики. Находят их чаще в могилах [8, табл. 31, 32], реже на поселениях. Из погребений происходят также находки двусторонних и односторонних гребней (рис. 5, 7, 8), ухверток [10, с. 136–138].

Ткани и предметы одежды. Находки такого рода редки, но известны как в могильниках [10, с. 53–60], так и на поселениях (Куюк-Тепе). Большинство тканей хлопчатобумажные, но имеются шерстяные и шелковые, в том числе китайские [21]. В могильнике Кара-Булак были найдены кожаные сапоги без каблуков и кожаные пояса [10, с. 72]. Об употреблении последних свидетельствуют находки поясных, в основном железных, пряжек [9, с. 62–85]. Для среднего этапа типичны округло-и прямоугольно-рамчатые с язычком, утолщенным на конце, слегка выдающимся за рамку или прогнутым в середине (рис. 6, 1–4). В конце периода появляются, видимо, В-образные пряжки и пряжки со щитками (рис. 6, 3). Оригинальна пряжка из могильника Урюкзор с округлой рамкой, неподвижным шпеньком и листовидным щитком (рис. 6, 6).

Женские украшения. Происходят в основном из могильников, на поселениях — единичные находки бусин, браслетов и пр. Значительная часть их опубликована Б. А. Литвинским [9]. В настоящей статье приводятся лишь характерные, с нашей точки зрения, для кугайско-карабулакской культуры. Это начельные повязки из узкой полосы ткани (чаще всего, видимо, шелковой) с бронзовыми бляшками разной формы (рис. 6, 11) [9, рис. 6, 11; табл. 1, 11, 12, 20, 31], найденные в женских могилах (примерно у 5–8% погребенных). Характерны разнообразных типов серьги [9, с. 30–48]: бобовидные бронзовые из двух половинок с дужкой для подвешивания (рис. 6, 17), бронзовые проволочные с расплюснутыми концами, к которым крепились прямоугольная пластинка (рис. 6, 16) или ступенчатая подвеска (рис. 6, 14), серьги из бусины или деревянного шарика со штырьком и петелькой (рис. 6, 12), бронзовая калачиковидная серьга с гнездами для вставок (рис. 6, 21). Постоянно встречаются ожерелья, большинство которых состоит из стеклянных (реже каменных) бус, разнообразных по форме и технике исполнения [9, с. 93–157]. Но помимо них имеются более сложные нагрудные украшения с центральной подвеской в виде крупной бусины, бляшки или обломка зеркала, с несколькими каменными крупными подвесками (рис. 6, 25), бубенчиками (рис. 6, 24), монетами «у-шу». В состав ожерелий входили подвески из египетского фаянса в виде кукиша (рис. 6, 22) или виноградной грозди, бронзовые в виде руки или ног [19, с. 22, рис. 5, подписи перепутаны]. Известны также находки бронзовых человеческих фигурок [19, с. 49, рис. 10].

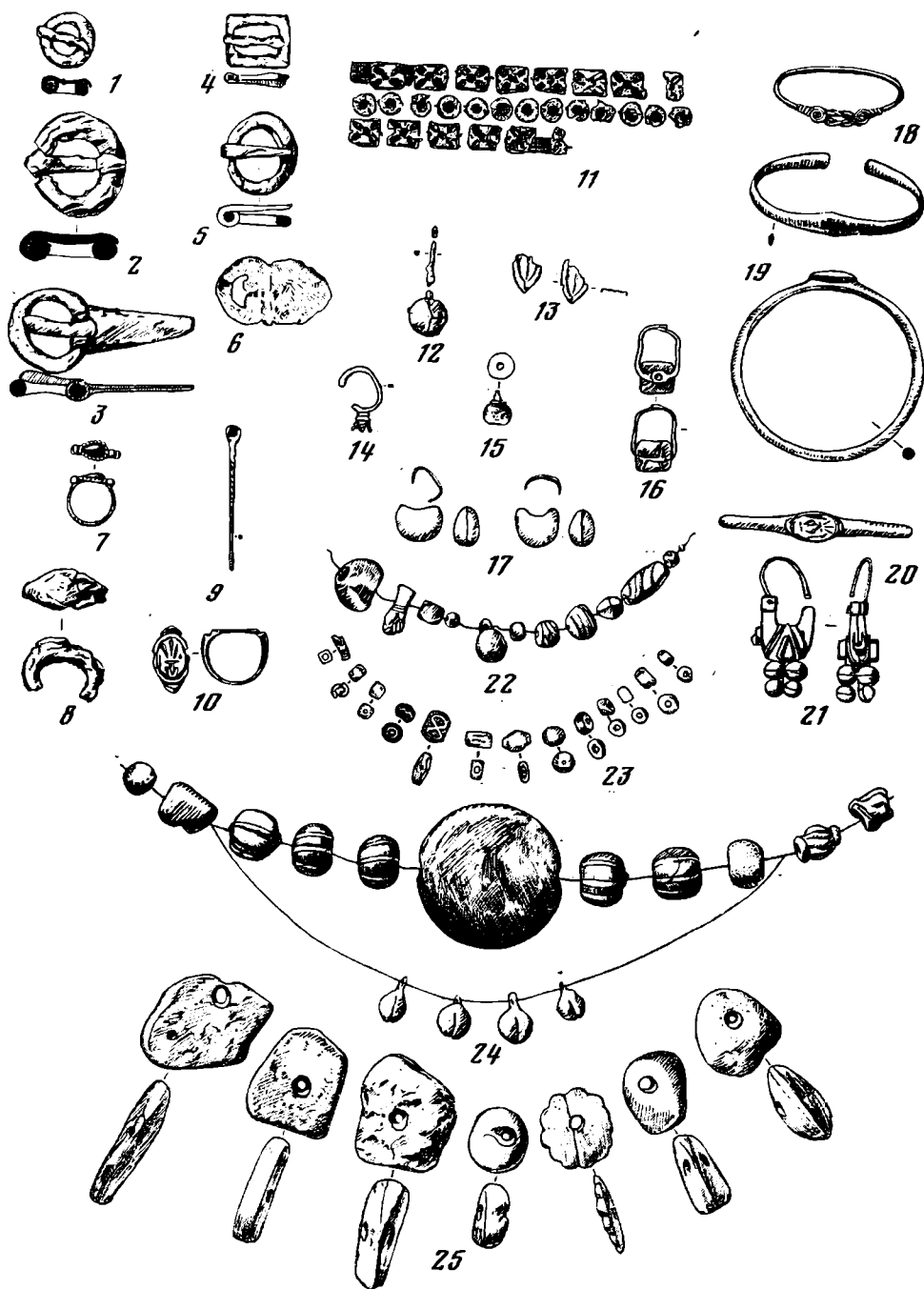

Рис. 6. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Предметы одежды и украшения: 1 — могильник Джангаил, кург. 6; 2 — могильник Хангиз I, кург. 29; 3 — могильник Сурх II, кург. 12 (по Б. А. Литвинскому); 4 — могильник Карамазарсай, кург. 32 (по Б. А. Литвинскому); 5 — могильник Рапкан-мазар, кург. 3; 6 — могильник Урюкзор, кург. I/1; 7 — могильник Кара-булак, кург. 81; 8 — могильник Хангиз I, кург. 6; 9, 23 — могильник Хангиз I, кург. 2; 10, 18 — могильник Урюкзор, кург. I/18; 11 — могильник Урюкзор, кург. II/3; 12, 13, 24 — могильник Урюкзор, кург. I/16; 14 — могильник Хангиз I, кург. 21; 15, 16, 22, 25 — могильник Хангиз I, кург. 7; 17 — могильник Дамкуль, кург. 11; 19 — могильник Кара-булак, кург. 122 (?); 20 — могильник Джангаил, кург. 6; 21 — могильник Кара-булак; 1—6, 8 — железо; 7 — серебро, стекло; 9—11, 13, 14, 16—21 — бронза; 12 — дерево, железо; 14—15 — стекло, железо; 22 — камень, паста, стекло, бронза; 23 — стекло, сердолик; 24 — стекло, янтарь, бронза; 25 — камень, раковины

В отличие от эйлатано-актамской культуры, где были распространены железные браслеты, в кугайско-карабулакской металлические браслеты немногочисленны. Они почти все бронзовые с несомкнутыми концами (рис. 6, 19), но есть оригинальные круглые браслеты с площадочкой, на которой выгравирован узор (рис. 6, 20), или с застежкой в виде гераклова узла (рис. 6, 18). Часты находки браслетов, состоящих из бусин (рис. 6, 23). Не исключено, что это была обшивка обшлагов, но часть из них лежит на предплечьях, больше напоминая браслеты. Значительно более многочисленны металлические бронзовые и железные кольца и перстни [9, с. 14—30], печати с разными гравированными узорами (рис. 6, 10), известные помимо Ферганы только в Восточном Туркестане [22].

Некоторые украшения выполнены в полихромном стиле [9, с. 60] (рис. 6, 7).

К предметам искусства относятся глиняные или алебастровые примитивные фигурки людей, найденные как на поселениях, так и в могильниках [23, с. 514].

Поздний этап (рис. 1, 7, 8). К нему относится меньшее число памятников, чем к среднему (6 поселений и 15 могильников), которые свидетельствуют о начавшихся изменениях в различных областях материальной культуры, в первую очередь керамике, вооружении, предметах туалета и украшениях. Сейчас к числу наиболее ранних памятников позднего этапа могут быть отнесены могильники Боркорбаз, Обишир, Хангиз II, к числу наиболее поздних — поселение Тудай-Калон II, отдельные погребения в могильниках у кишлака Ворух, значительная часть погребений могильника Кокташ у Вуадиля.

Поселения расположены на тех же ирригационных системах, что и более ранние (рис. 1). К концу периода постепенно прекращают существование поселения на окраинах Центральной Ферганы, что скорее всего объясняется изменениями водного режима. В это же время, очевидно, прекращают функционировать прежние оборонительные сооружения. В тех случаях, когда они продолжают существовать, их облик меняется, башни не имеют внутренних помещений, нет и стреловидных бойниц. В одних случаях постройки возводятся менее фундаментально, чем раньше, а заброшенные и забутованные здания обживаются эпизодически, например Куюк-Тепе II [6, с. 126]. В других случаях строятся новые, даже двухъярусные здания [5, с. 13]. Строительные материалы употребляются те же.

Сохраняется то же, что и на предыдущем этапе, многообразие типов погребальных памятников. При этом можно отметить большее распространение подбоев в северной и южной стенках могильных камер. Новым является погребение в наземных сырцовых постройках. В керамике отмечаются некоторые изменения в обработке поверхности сосудов — худшего качества ангоб наложен небрежно, мазками с потеками, полосой по краю сосуда (рис. 7, 33, 34). Отмечена роспись по середине тулова (заштрихованные полосы) (рис. 7, 41), характерно мелкое рифление поверхности (рис. 7, 40), сокращается количество сосудов, украшенных процарапанным орнаментом. На востоке Ферганы исчезает расписная посуда. Изменения в формах прежде всего отражаются на резком сокращении количества горшков, уменьшении разнообразия мисок, появлении новых типов кувшинов (рис. 7, 35—37), кружек (рис. 7, 39, 41), сосудов типа вазочек (рис. 7, 38). Лепная посуда представлена в основном кувшинами, котлами, незначительным количеством горшков, хумчами и хумами [6]. Известна находка стеклянного сосуда (рис. 8, 17). Найдены очажные подставки в виде глиняного столбика с расширенными концами и отверстием (рис. 7, 32). Для позднего этапа прослеживается сходство керамики могильника и поселения Кайрагач [4], части погребений Кайноват и поселения Куюк-Тепе II. Керамика позднего этапа найдена в могильниках Боркорбаз, Обишир, Хангиз II, Кокташ у Вуадиля, части погребений могильника у кишлака Ворух и в наземных погребальных сооружениях на северо-западе долины [8].

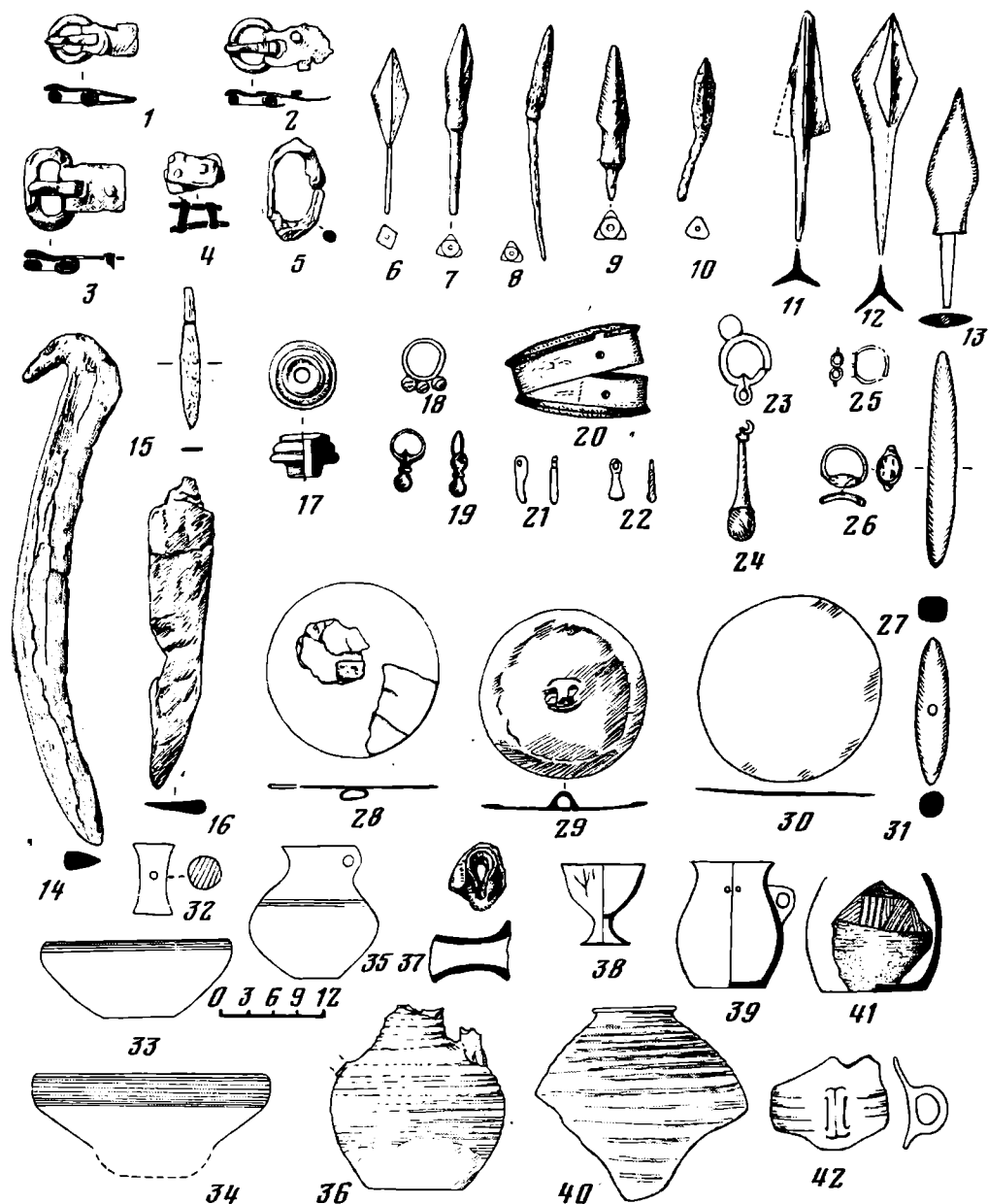

Рис. 7. Поздний этап кугайско-карабулакской культуры. 1—5, 7, 10, 11, 16, 17, 29 — могильник Хангиз II (погребения 6, 7, 11, 16); 6 — поселение Кайрагач, III период; 8, 9, 14, 15, 27, 33—34, 36, 40, 42 — поселение Куюк-Тепе II; 28 — поселение Куюк-Тепе II; 12 — поселение Кайрагач, верхний слой; 13 — могильник Кокташ у Вуадилы, погр. 25; 18 — могильник Боркорбаз, кург. 9; 19, 25, 35 — могильник у киплака Ворух, кург. 18; 20 — могильник Кургак (Алай, в Фергане такие же); 21—24 — могильник Кокташ у Вуадилы, погр. 10; 26 — могильник Ашт, кург. 2; 30 — могильник Кокташ у Вуадилы, погр. 8; 31 — могильник Кокташ у Вуадилы, погр. 26; 32, 37, 41 — поселение Мунчак-Тепе; 38 — могильник Кокташ у Вуадилы, разрушенное погребение; 39 — могильник Ашт, кург. 31 (6, 12 — по Г. А. Брыкиной; 18 — по С. С. Сорокину; 19, 25, 26, 35 — по Б. А. Литвинскому; 20 — по А. Н. Бернштаму); 1, 3—16 — железо; 2, 18—26, 28—30 — бронза; 17, 32—42 — глина; 27, 31 — камень

Вооружение. Изменения очевидны в первую очередь в типах наконечников стрел. Всего учтено около 120 экз., из них 87 (73%) трехгранные (рис. 8, 6—8), остальные четырехгранные (рис. 7, 6) и пулевидные. Среди трехгранных ведущими являются наконечники с упором-порожком (64 экз.) и как бы вставленным в него черенком (рис. 7, 7—9). Из 28 экз. трехперых — 17 крупных наконечников (рис. 7, 11), в том числе и с лавролистным очертанием пера. Длина головки 5—6 см.

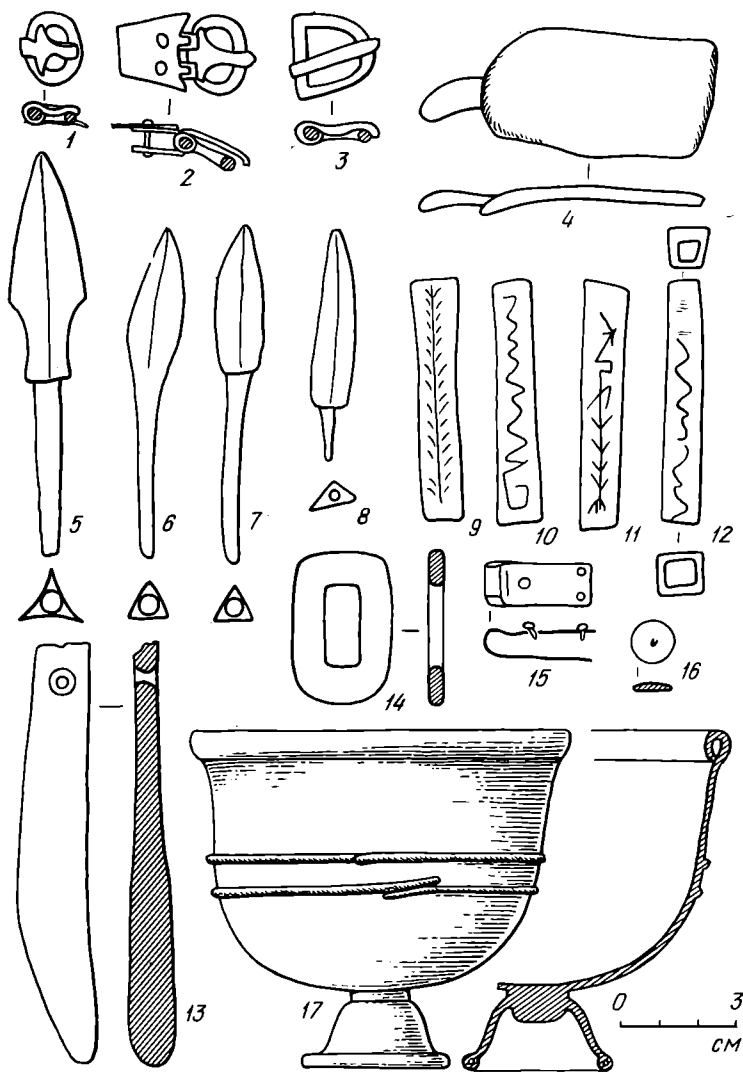

Рис. 8. Поздний этап кугайско-карабулакской культуры. Могильник Кокташ у Вуадилы, погр. 24: 1, 2, 3, 16 — бронза; 4—8, 14, 15 — железо; 9—12 — кость; 13 — камень; 17 — стекло

Кроме того, 8 экз. наконечников с фигурным вырезом пера (рис. 8, 5), 4 экз. с упором-муфтой, 3 экз. с тупоугольным и 4 экз. с прямым основанием перьев, 3 экз. ромбовидных (рис. 7, 12) и 1 экз. плоский с упором-порожком (рис. 7, 13), т. е. ведущими становятся трехгранные наконечники стрел с упором и сопровождающие их крупные трехперые с различным очертанием пера. Незначительное в целом количество мечей и кинжалов не позволяет утверждать, получили ли большое распространение однолезвийные. В орудиях труда заметных изменений нет, хотя чаще встречаются ножи с черенком, расположенным посредине покатых или прямых плечиков (рис. 7, 16), а также с костяными рукоятками-трубочками (рис. 8, 9—12). Известны находки железных серпов (рис. 7, 14).

Изменяются типы зеркал. Для позднего этапа нам известно 24 зеркала, 13 из них небольшие дисковидные (рис. 7, 30). Продолжают бытовать и зеркала с петелькой на обороте (рис. 7, 28, 29), в том числе с рельефным орнаментом. Новыми в предметах туалета являются бронзовые круглые коробочки (рис. 7, 20). Среди пряжек шире распространяются со щитками, не только железные, но и бронзовые разных типов (рис. 7, 1—3; 8, 2). Из 30 учтенных пряжек со щитками около 20 найдено в погребениях позднего этапа (в том числе все бронзовые). Вместе с пряжками обычно встречаются железные обоймы прямоугольной или треугольной формы (рис. 7, 4; 8, 15).

Некоторые изменения происходят в женских украшениях. По-видимому, постепенно исчезают начальные повязки, сложные нагрудные украшения, бобовидные серьги и серьги в виде шариков со штырьком. Сохраняются ожерелья (изменения в типе бус пока проследить не удалось), серьги в виде простых колечек, изредка встречаются бронзовые перстни-печатки (рис. 7, 26). Появляется новый тип серег — кольца с прикрепленными к ним шариками (рис. 7, 18) и серьги с удлинненными подвесками (салтовского типа, наиболее поздние на этом этапе; рис. 7, 19, 23, 24). Сохраняются различные подвески (рис. 7, 21, 22), бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, в том числе и в виде стилизованных головок змей (могильник Обишир). К предметам искусства можно отнести пластинки от шкатулки из поселения Тудай-Калон II [25] и серию алебастровых и глиняных человеческих фигур с поселения Кайрагач [23]. Впервые найдена монета чачского чекана [23, с. 509].

В целом поздний этап является переходным, в нем еще прослеживаются черты, сближающие его со средним, но уже явственно проступают новые. В частности, сильно ощущается влияние культуры Каунчи и Согда, особенно в западных районах долины. Не исключено, что с постепенным накоплением материала будут выделены более четко не только ранние и поздние группы памятников, но уже можно будет говорить о новой культуре.

Таким образом, относительная хронология памятников была установлена на основании четырех категорий находок. Для решения вопросов абсолютной хронологии следует именно их использовать в первую очередь. Так как наиболее определенные даты могут быть предложены по находкам в памятниках позднего этапа, на них и остановимся сначала.

При датировке керамики наиболее поздний ее комплекс был отнесен ко времени V—VI вв. [6, с. 143]. Существенным дополнением следует считать неучтенные тогда костяные пластинки с изображением фигурок летящих Ник, найденные вместе с керамикой позднего этапа на поселении Тудай-Калон II [25]. Е. Д. Салтовская предложила датировать их I—IV вв. Однако Б. И. Маршак справедливо указал, что наиболее вероятная их дата — позднесасанидское время, о чем свидетельствует, в частности, тип ожерелья в руке одной фигур [26], и, таким образом, этот слой может быть датирован VI—VII вв. При рассмотрении хронологии керамических комплексов были учтены и даты железных наконечников стрел [6, с. 141]. Следует добавить, что ведущий тип наконечников — трехгранный с порошком — за пределами Ферганы известен в Ангренских склепах, имеющих дату не ранее IV в. [27, с. 167]. Более дальней аналогией является Бирский могильник в Прикамье [28, с. 7, табл. 27, 6, 7). Даты его спорны, но погребение, в котором найдены такие наконечники, по пряжке, найденной вместе с ними, может датироваться V—VII вв. Следовательно, указанный тип наконечников стрел распространен с IV—V вв. и позднее.

Хронология поясного набора I тысячелетия н. э. (IV—IX вв. рассмотрена в работах А. К. Амброза [29], В. Ф. Геннинга [30] и В. Б. Ковалевской [31]. Как известно, в VI—IX вв. на широкой территории степей Евразии были распространены наборные пояса специфических типов. В рассматриваемых материалах их еще нет. Можно полагать, что до возникновения наборных поясов на территории степей и примыкающих к ним районов был распространен поясной набор иного типа, состоявший из пряжек со щитками и обойм, но не имевший еще многочисленных накладок и наременных наконечников, характерных для наборных поясов. Время появления такого набора связано, видимо, прежде всего со временем появления на широкой территории щитково-рамчатых пряжек. Отдельные их находки известны в памятниках I—III вв. н. э. [33, табл. XXXV, 2, 4; табл. XL, 1—3; табл. 13, 5). Время их появления как в Прикамье, так и в Сибири — II—III вв. Но только с III в. и позднее они становятся господствующим типом пряжек. Некоторые ферганские пряжки, найденные в памятниках позднего этапа, четко датируются IV—V вв. (рис. 7, 1, 2; 8, 2). Для датировки представляет

также несомненный интерес погр. 24 могильника Кокташ у Вуадия (рис. 8), где найдены вместе бронзовая щитково-рамчатая пряжка, трехгранные наконечники стрел, крупный трехгранный наконечник с вырезом пера и стеклянный сосуд, скорее всего привозной⁵. Подобные сосуды датируются в Египте, на Ближнем Востоке и в Европе IV в. и позднее [35, с. 139; 36, с. 152].

Дисковидные зеркала в сарматской культуре обычно относятся к словесному времени (не позднее II в. н. э.). Однако в Средней Азии, в том числе и в Фергане, они бытуют дольше (возможно, они позже и входят в обиход) — из 16 учтенных дисковидных зеркал 13 найдены в погребениях позднего этапа. Б. А. Литвинский отнес их к числу наиболее поздних [9, с. 76]. Так, например, помимо могильника Кокташ у Вуадия такие зеркала найдены в погр. 18 (VII—VIII вв.) могильника у кишлака Ворух [8, табл. 6, 13; 35, 2; 9, табл. 1, 9; 6, 7, 11; 10, табл. 15, 11, 12, рис. 7, 19, 25, 35]. Такие же зеркала этого же времени найдены в Пенджикенте [32, с. 112, 113], что тоже подтверждает их относительно более позднее появление. Бронзовая туалетная коробочка найдена в погребении на Тянь-Шане [2, с. 86, 87] вместе с бронзовой и железной пряжками, относящимися скорее всего к IV—V вв.⁶ Наземные сырцовые постройки могильника Хангиз II подобны таковым в джетысарской культуре III—V вв. [27, с. 57] и на Чаткале. Последние А. К. Кибиров относил к X—XII вв. [37, с. 45, 46], а Л. М. Левина — к более раннему времени — VII—VIII вв. [27, с. 191], так как среди находок имеются бронзовые накладки наборного пояса. Таким образом, в целом памятники позднего этапа относятся ко времени не ранее IV в., вплоть до VI в., но часть из них определенно датируется и VII в.

Среди многочисленных находок среднего этапа следует в первую очередь выделить те, что найдены в комплексах с посудой, украшенной процарапанным орнаментом, являющейся наиболее типичной.

Набор железных трехперых наконечников стрел, найденный вместе с указанной керамикой, более всего характерен для первых веков нашей эры (трехперые с опущенными концами, с прямым и тупоугольным основанием перьев, с фигурным их вырезом). Из них наиболее ранние с опущенными концами перьев известны в Средней Азии со II в. до н. э., но бытуют и позднее, вплоть до III в. н. э. Их малочисленность в Фергане позволяет относить их к числу поздних вариантов, скорее всего I—III вв., что косвенно подтверждается совместной находкой такого наконечника с трехперым наконечником с фигурным вырезом пера в могильнике Калантар-хона. Последние же типологически близки трехгранным с муфтой-упором (позднего этапа) и, видимо, могут относиться уже к III—IV вв. Появление типов трехгранных наконечников (в Фергане их наиболее высокий процент) Б. А. Литвинский относил к III в. н. э. [38, с. 86]. Опорных дат у нас нет, но показательно, что трехгранные наконечники преобладают на позднем этапе не только в Фергане, но также в Пенджикенте (VII—VIII вв.) и в Афганистане на поселении Чакалак-Тепе в слоях VI—VII вв. [32, с. 68; 39 рис. 46], т. е. они скорее всего возникают позднее трехперых. С другой стороны, их довольно много (10% от общего количества) найдено на Каменном городище, где находки разновременные, но есть и ранние, до рубежа нашей эры. К какому времени следует отнести именно трехгранные наконечники стрел, пока неясно, но предположительно весь комплекс стрел относят к I в. до н. э.—III в. н. э. [40, с. 209]. Судя по всему, появление трехгранных наконечников надо относить ко II—III вв.

Щитково-рамчатые железные пряжки могут быть датированы временем не ранее III—IV вв., и погребения, в которых они найдены, отно-

⁵ По определению Ю. Л. Шаповой, стекло сосуда по составу напоминает стекло европейских сосудов первых веков нашей эры.

⁶ По сообщению заведующего отделом Ферганского областного краеведческого музея Г. П. Иванова, такие коробочки были им найдены вместе с монетой начала VIII в. в погр. 1 Куvasайского могильника (Фергана).

сятся к числу поздних погребений среднего этапа. Среди бесщитковых — железные округлые пряжки со слегка утолщенным на конце язычком, немного выдающимся за пределы рамки, иногда прогнутым. По всем этим признакам они относятся к III—IV вв. [29, с. 100—102]. Зеркала с боковой ручкой датируются в широком диапазоне от II в. до н. э. — до III в. н. э. Но они более характерны для районов, прилегающих к течению Амударьи. В Фергане их найдено всего 6 экз., и такой широкий хронологический диапазон их вряд ли возможен. Скорее всего они относятся здесь к поздним вариантам в пределах I—III вв. Время выпуска китайских восьмиарочных зеркал — I в. до н. э. — I в. н. э. [10, с. 101—104], когда они скорее всего и попадали в Фергану по «Великому шелковому пути». В памятниках позднего этапа они отсутствуют. В Фергане имеются подражания китайским зеркалам, тоже найденные вместе с орнаментированной посудой. Эти подражания скорее всего могли возникнуть в III в., когда связи Китая с «западным краем», как и с Сибирью [41, с. 13], прерываются. Основное время бытования тех и других зеркал приходится, таким образом, на I—III вв. н. э.

Ножи с бронзовой рукояткой датируются II—IV вв. н. э. [10, с. 23]⁷. Для вопросов датировки существенна находка такого ножа вместе с зеркалом (подражание китайским) в кург. 44 могильника Сурх II [10, табл. 4, 1; 16, 5]. Перстни-печатки известны в Восточном Туркестане в подъемном материале, но стоянки, где они найдены, могут ориентировочно датироваться III—IV вв. [43, с. 76; 44, с. 242]. Тот факт, что в Фергане такие перстни доживают до VII—VIII вв. [5], позволяет отнести их также к предметам, появляющимся скорее всего в середине или конце среднего этапа — II—III вв.

Монеты «у-шу» большей частью, видимо, относятся к ранним выпускам (начиная со 118 г. до н. э.), т. е. они, как и зеркала, появляются здесь с возникновением «Шелкового пути». Находки монет более раннего и более позднего выпусков с одними и теми же типами вещей (Хангиз I — монета 118 г. до н. э. и I в. н. э.) позволяют отнести их распространение скорее всего ко времени не ранее I в. н. э. Как и для китайских зеркал, наиболее вероятный диапазон их бытования — I—III вв.

В одном случае (Хангиз I) вместе с орнаментированной керамикой найден сосуд с отверстием в дне, аналогичный сосуду из слоя Беграм II (II—III вв.) [46, табл. XLI, В. g. 465]. Из числа прочих находок, найденных в погребениях среднего этапа без орнаментированной посуды, для вопросов датировки важно зеркало с ручкой в виде женской фигуры II—III в. [47; 7, с. 96], бляшка начальной повязки III—IV вв. [48], сложносоставная серьга (рис. 6, 21), датировка которой наиболее вероятна в пределах III—IV вв. [49, с. 49; 50, с. 68], бусы, выполненные в технике микромозаики (рис. 6, 1, 15,) имевшие наибольшее распространение в I в. н. э. [51].

Все рассмотренные находки определяют хронологические границы среднего этапа в пределах I—IV вв. Внутри этого периода есть более ранние (I—II вв.) и более поздние (III—IV вв.) памятники.

Даты раннего этапа наиболее условны. Среди находок — небольшие железные наконечники стрел, позволяющие говорить о II—I вв. до н. э., так же как и амфоровидная подвеска. С другой стороны, овально- и прямоугольная пряжки скорее относятся ко времени не ранее I в. н. э. Пока следует, видимо, относить ранний этап к концу эйлатано-актамской культуры (не позднее II в. до н. э.) и до начала среднего этапа, т. е. II в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, анализ находок позволяет предложить для трех этапов кугайско-карабулакской культуры следующие даты: ранний этап — II в. до н. э. — I в. н. э.; средний — I—IV вв. н. э.; поздний — IV—VII вв. н. э. Разумеется, предложенная характеристика кугайско-карабулакской культуры и ее этапов не является оконча-

⁷ К аналогиям, учтенным Б. А. Литвинским, следует добавить еще нож из Крыма II—III вв. [42, с. 130, рис. IV, 1—4].

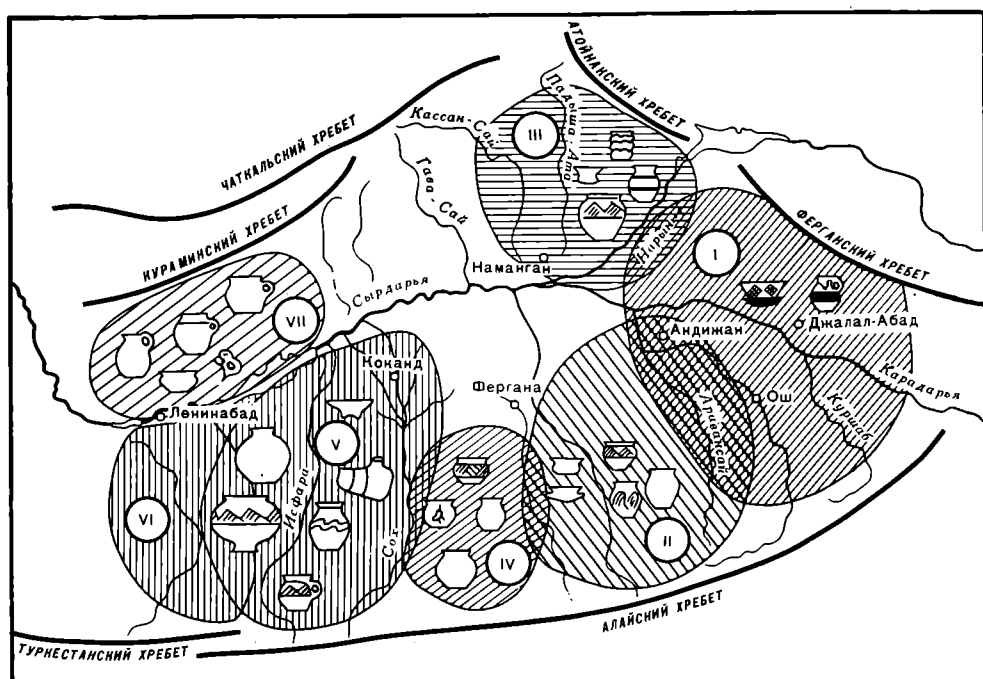
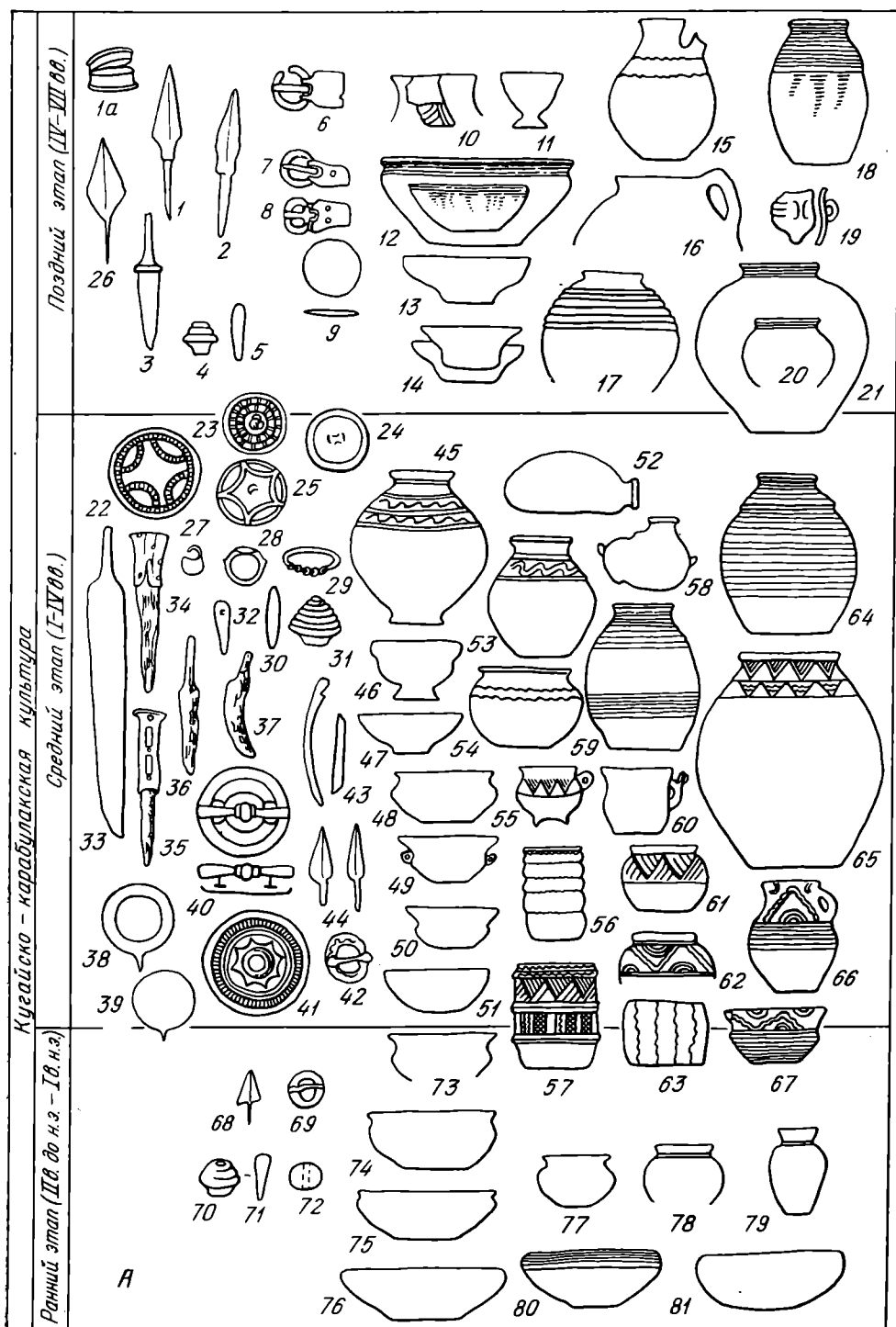

Рис. 9. Предполагаемые гончарные центры Ферганы

тельной, и накопление материалов, вероятно, позволит внести и дополнения, а может быть, и существенные коррективы.

При определенной общности, как уже отмечалось, в кугайско-карабулакской культуре имеются особенности в разных районах долины. Причины их различны, проявляются они наиболее полно на среднем этапе, хотя, несомненно, отражают устойчивую традицию, заметную и на раннем, и на позднем этапах. Особенности эти проявляются по-разному. Картографирование поселений показало большое их сосредоточение на востоке долины и расположение по ирригационным центрам [12, 14]. Анализ типов погребальных сооружений и их распространение по долине позволили выделить локальные группы, в пределах которых имеются более дробные деления, обусловленные территориальной близостью и тоже связанные с ирригационными районами [13, 14]. С ними же связаны и различные гончарные центры, охватывающие один или несколько таких районов [6, 14]. Отличаются они преобладанием каких-либо типов сосудов или вариантами одной и той же формы. Можно наметить следующие гончарные центры (рис. 9) I — верховья рек Карадарья, Яссы, Тар и Кара-кульджа, где длительное время преобладает расписная керамика шурабашатского типа, откуда она попадает в соседние районы. II — Араванский и Исфайрам-Маргеланский, особенно характерны здесь многообразные миски с перегибом по центру корпуса, в том числе с ручками разных типов. Больше здесь и разнообразных форм горшков. Лепная керамика, тарная и особенно кухонная, локализуется еще более дробно [6, с. 134, 135]. III — междуречье Карадарьи — Нарына. Для этого центра характерна особенная разновидность мисок с перегибом в нижней части корпуса, большое количество баночных сосудов с «гофрированными» стенками, украшенных процарапанным орнаментом, орнаментированные крупные кувшины, многочисленные кувшины с кольцевыми полосами ангоба, крышки с ручками-столбиками. Среди лепной посуды выделяются особой формы хумчи [6, с. 136]. IV — Алтыарыкский центр отличается особой формой мисок, имеющих почти прямую верхнюю часть и плавно изогнутую нижнюю. Преобладают орнаментированные горшки с отогнутым краем и округлыми плечиками. Орнамент не только геометрический, есть изображения растений и птиц. Кувшины близки кувшинам Исфайрам-Маргеланского района, но чаще встречаются с более округлым туловом и широким дном. V — Сохско-Исфаринский центр. Боль-

шая часть керамики происходит из могильников, поэтому здесь больше всего кувшинов. Много кувшинов с шарообразным или расширенным в нижней части туловом, венчики их разнообразны. Особенно характерны венчики в виде утолщенного ободка, иногда имеющего снаружи кольцевые углубления⁸. Сосуды часто украшены прочерченным по сырой глине орнаментом в виде волнистой линии. Типичны биконические кружки на поддонах, украшенные процарапанным орнаментом, шарообразные сосуды на конической полый ножке. Миски в основном конической формы на кольцевом поддоне, бочонковидные фляги. Чаще, чем в других районах, встречается сероглиняная керамика и черный ангоб. При общем

⁸ Интересно, что по наблюдениям этнографов, форма венчиков является одним из признаков, определяющих место изготовления сосуда [52].

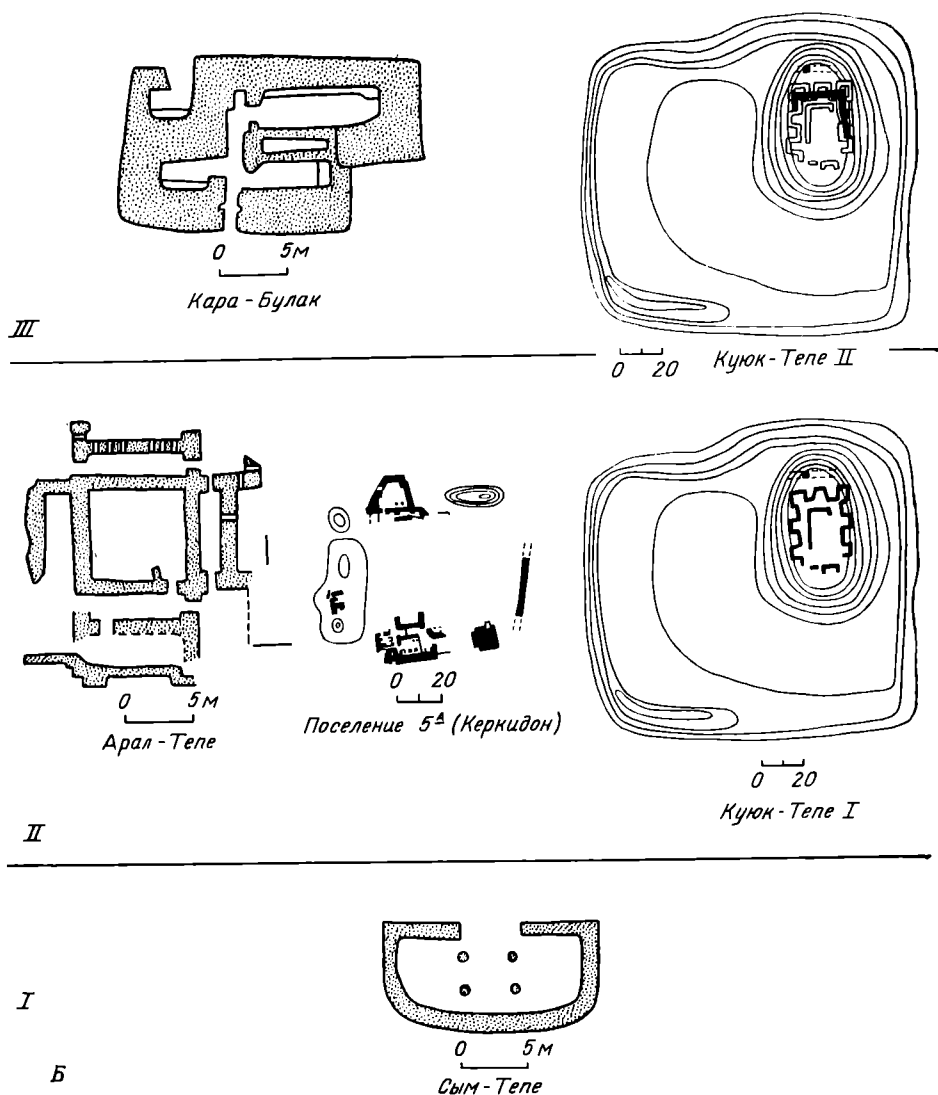

Рис. 10. Периодизация кугайско-карабулакской культуры:

А. 1, 2, 6, 7 — могильник Хангиз II; 1а, 3—5, 8, 9, 11 — могильник Кокташ у Вуадия (1а — реконструкция); 10 — поселение Мунчак-Тепе II; 12—21 — поселение Куюк-Тепе II; 22, 38—41 — могильник Тура-таш; 23, 27—30, 35 — могильник Урюкзор; 24 — могильник Чорку II; 25 — могильник Гур-мирон; 26 — поселение Кайрагач; 31, 50, 51 — поселение 5а; 32—34, 45—47, 53—55, 58 — могильник Кара-булак; 36, 43, 61 — могильник Хангиз I; 37 — могильник у Ворухского ущелья; 42 — могильник Рапкан-мазар; 44, 59, 64, 65 — поселение Куюк-Тепе I; 48, 57 — поселение Мунчак-Тепе I; 43, 56, 60 — поселение Гайрат-Тепе II/2—3; 52 — могильник у кишлака Ворух; 62, 63, 66, 67, 71, 72 — городище Шурабашат; 68, 69 — могильник Багджой; 70, 73, 74, 76—78 — поселение 5а, нижний слой; 75 — поселение Сым-Тепе II; 79 — могильник Тал-мазар; 80, 81 — поселение Тудай-Хурд (22, 32—34, 38—41, 45—47, 53—55, 58 — по Ю. Д. Баруздину; 24, 37, 52 — по Б. А. Литвинскому; 26 — по Г. А. Брыкиной; 49, 56, 60 — по В. И. Козенковой; 62, 63, 66, 67, 71, 72 — по Ю. А. Заднепровскому; 68, 69 — по М. Э. Воронцу; 79 — по В. Д. Жукову; 80, 81 — по Е. Д. Салтовской); 1—3, 6, 26, 33, 36, 37, 42, 44, 68, 69 — железо; 1а, 7—9, 22—25, 27—29, 38—41 — бронза; 5, 30, 32, 71 — камень; 4, 10—21, 31, 45—67, 70, 72—81 — глина; 6, 63, 66, 67, 80, 81 — лепная посуда, остальная круговая; 34 — железо и кость; 35 — железо, бронза, кость; 43 — кость.

Б. I — ранний этап (II в. до н. э. — I в. н. э.); II — средний этап (I—IV вв.); III — поздний этап (IV—VII вв.)

сходстве имеются и некоторые различия между керамикой Баткенской и Исфаринской группы могильников. VI — Ходжа-Бакырганский центр. Близок к Исфаринскому (форма кувшинов и венчиков в виде ободка), но, особенно на позднем этапе, здесь ощущается сильное влияние каунчинской культуры. Это «пограничный» район Ферганы — Усрупаны — Чача. VII — северо-западный центр (Аштский?). Здесь преобладают миски с плавно отогнутым краем и округлыми плечиками, напоминающие горшки; характерно наличие значительного количества различного

типа кружек, в том числе с зооморфными ручками, а также (особенно на позднем этапе) одноручных кувшинов [5, 8]. Как и в Ходжа-Бакырганском центре, сильно влияние каунчинской культуры.

Некоторые различия по районам можно проследить и в женских украшениях. Например, начельные повязки отмечены пока только в Южной Фергане (от Исфайрам-Маргеланского до Сохско-Исфаринского районов), бобовидные серги распространены шире: на юге долины — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском и Ходжа-Бакырганском (в Исфаринском известна только одна серга, несмотря на большое количество раскопанных курганов), на севере — в Касансайском. Сложные нагрудные украшения с бубенчиками или монетами: на юге — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском, на севере — в Касансайском, а только с монетами — в Аштском. Перстни-печатки: на юге — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском, Ходжа-Бакырганском (в Исфаринском — один перстень), на севере — в Касансайском и Аштском. Браслеты из бус известны во всех районах, кроме Аштского. Как видно из этого перечня, нельзя выделить четко повторяющиеся комплексы украшений по районам⁹, хотя очевидна наибольшая близость Исфайрам-Маргеланского и Алтыарыкского, к которым близок и Касансайский, где отсутствуют только начельные повязки, затем Ходжа-Бакырганский, где не известны еще и сложные нагрудные украшения, затем Аштский, где есть последние (только с монетами), но нет начельных повязок и браслетов из бус. Складывается впечатление, что наиболее обособлен Сохско-Исфаринский район по форме серег, богатству и разнообразию ожерелий, наличию изделий полихромного стиля (последнее относится к Баткенской группе).

Приведенные примеры локальных особенностей в керамике и украшениях показывают, что они распределяются по-разному и обусловлены, видимо, различными причинами. Эти особенности переплетаются таким образом, что выделить какие-то районы со своей культурой не кажется возможным. Можно привести два примера. 1. Погребальные сооружения «аштской» культуры сосредоточены на северо-западе долины от р. Гавасай до юго-западной оконечности Кураминского хребта. На юго-западе долины они известны в Сохско-Исфаринском районе. Керамика в них соответствует трем гончарным центрам: Гавасайскому (?) (восточная группа, по Б. А. Литвинскому), Аштскому (западная группа, по Б. А. Литвинскому) [7, с. 212] и Сохско-Исфаринскому. Иное распределение по украшениям: в Аштской группе есть нагрудные украшения с монетами и перстни-печатки, что характерно и для других районов с иными типами погребальных сооружений, но нет начельных повязок и браслетов из бус, известных в то же время в таких же наземных погребальных постройках Сохско-Исфаринского района. 2. В числе исследованных есть могильники с погребениями в мелких грунтовых ямах. Последние встречаются и в могильниках с разными типами погребений [4]. Обычно погребенных сопровождает здесь бедный инвентарь, состоящий из керамики и некоторых предметов бытовой утвари. Возможно, они принадлежат земледельческому населению (некрополи земледельцев как будто вообще более бедные). Однако вряд ли можно полагать, что женщины земледельцев не носили украшений, а мужчины не пользовались оружием, тем более, что последнее известно и по поселениям. Такие же находки, как в грунтовых могилах (керамика, прясла, сурьматаши, ножи), известны в погребениях других типов и на поселениях, т. е. выделить какую-то особую культуру по этим данным не представляется возможным.

В настоящее время кажется все же более реальным говорить о наличии общей кугайско-карабулакской культуры ферганского населения (рис. 10). Локальные различия обусловлены скорее всего, с одной стороны, расселением земледельцев и скотоводов Ферганы, тесно связанных между собой экономически, по ирригационным, возможно, замкнутым районам, с другой — постоянным культурным взаимовлиянием населения с различным хозяйственным укладом.

⁹ Сложность обусловлена и отсутствием полноценных публикаций, что особенно сказывается при анализе нагрудных украшений.

1. Латынин Б. А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 года.— АСб. ГЭ, 1961, вып. 3.
2. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.
3. Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИМК АН СССР, 1954.
4. Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом.— АСб. ГЭ, 1971, вып. 13.
5. Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье: Автореф. канд. дис. Душанбе: Ин-т истории АН ТаджССР, 1971.
6. Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, 1979, т. XX.
7. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
8. Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
9. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
10. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
11. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана. М.: Наука, 1982.
12. Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (Некоторые итоги исследования).— СА, 1977, № 3.
13. Горбунова Н. Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э.— АСб. ГЭ, 1981, вып. 22.
14. Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы).— СА, 1979, № 3.
15. Воронина В. Л. К истокам строительной техники.— В кн.: Проблемы истории архитектуры народов СССР, М., 1975, вып. 2.
16. Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Тр. Музея истории Узбекской ССР. Ташкент, 1954, вып. II.
17. Оболюева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, 1951, т. IV.
18. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118.
19. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
20. Баруздин Ю. Д. Кара-булакский могильник.— Изв. АН КиргССР, СОН, 1961, т. III, вып. 3.
21. Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период шести династий (III—VI вв.) (по новым материалам).— ТГЭ, 1978, т. XIX.
22. Горбунова Н. Г. Об одной группе ферганских перстней.— СГЭ, 1983, № 48.
23. Брыкина Г. А. Идолы из Кайрагача и некоторые вопросы верований древних ферганцев.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1980.
24. Брыкина Г. А. Раскопки в Кайрагаче.— АО — 1977. М., 1978.
25. Салтовская Е. Д. О некоторых археологических памятниках и находках в Аптском районе.— МК Тадж., 1968, вып. 1.
26. Маршак Б. И. Выступление в обсуждении докладов на конференции по истории и культуре Кушанского государства.— В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. М.: Наука, 1975.
27. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.— ТХАЭЭ, 1971, т. 7.
28. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н. э. М.: Наука, 1968.
29. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
30. Генинг В. Ф. Хронология поясной гарпитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья).— КСИА, 1979, вып. 158.
31. Ковалевская В. В. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, вып. E1—2. М., 1979.
32. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука 1980.
33. Арсеньева Т. М. Могильник у деревни Ново-Отрадное.— В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М.: Наука, 1970.
34. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
35. Isings C. Roman Glass from dated finds. Djakarta. 1957.
36. Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
37. Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала.— ТХАЭЭ, 1959, т. II.
38. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2.
39. Mizuno S. Chaqalaq Tepa. Fortified village in north Afghanistan excavated in 1964—1967 / Ed. Mizuno S. Kyoto: Publ. Kyoto Univ. Scient. mission to Iranian Plateau and Hindukush, 1970.
40. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1980.

41. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
42. Гущина И. Н. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
43. Bergman F. Lou-Lan wood carving and small finds discovered by Sven-Hedin.— BMFEA, 1935, n. 7.
44. Stein A. Serindia. Oxford. 1921, v. I—IV.
45. Кляшторный С. Г. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы.— ТАН ТаджССР, 1959, т. 103.
46. Ghirshman R. Bégram. Recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire — MDAFA, 1946, t. XII.
47. Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника.— КСИА, 1961, вып. 85.
48. Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Кара-булакского могильника.— КСИА, 1961, вып. 86.
49. Засецкая И. П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1968, вып. 10.
50. Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чарда-ры. Алма-Ата, 1968.
51. Алексеева Е. М. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.— II в. н. э.— СА, 1971, № 4.
52. Писарчик А. К. Некоторые сведения о народной керамике Самарканда.— В кн.: История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981.

N. G. Gorbunova

THE KUGAI-KARABULAK CULTURE OF FERGHANA

Summary

The Kugai-Karabulak culture dates back to the period from the 2nd century B. C. to the 7th century A. D. It differs sharply both from the previous and the succeeding cultures and from cultures of the neighbouring peoples. An analysis of some industries (ceramics, iron arrowheads, arrows, buckles and mirrors) reveals three stages in the development of this culture: the early period, from the 2nd century B. C. to the 1st century A. D., the middle period, from the 1st to the 4th centuries A. D., the late period, from the 4th to the 8th centuries. Most sites, both settlements and burial grounds, date to the middle period, the heyday of the culture. Despite obvious uniformity of the culture as a whole certain local variants are observed, seen in the settlement patterns, grouping of various types of burial constructions, some specific features of pottery and frequency of definite types of ornaments.